

**СЕРГЕЙ
АЛЕКСЕЕВ**

ЧУДСКИЕ
КОПИ

Сергей Алексеев

Чудские копи

«Алексеев Сергей»

2010

Алексеев С. Т.

Чудские копи / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2010

Молодой, удачливый олигарх Глеб Балащук не верил, что в жизни всегда есть место чуду. Ему пришлось изменить свое мнение, когда в окрестностях его родного шахтерского городка появились новгородские ушкуйники в кольчужных доспехах XV века. А вскоре начали оживать поверья о таинственном народе рудознатцев, который испокон века скрывается под землей. И оказалось, что все, к чему стремился Глеб, все его капиталы ничто в сравнении с древними правдами, которые открылись ему благодаря встрече с чудской девой Айдорой. Вопрос в том, нужны ли эти правды бизнесмену Балащуку?

© Алексеев С. Т., 2010

© Алексеев Сергей, 2010

Содержание

1	5
2	17
3	31
4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Сергей Алексеев

Чудские копи

Этот роман родился благодаря добрым помыслам губернатора Кемеровской области АМАНА ГУМИРОВИЧА ТУЛЕЕВА, за что автор выражает ему искреннюю признательность.

1

Глебу приснилось, что он умер на кровати-качалке, стоявшей среди роз в уютном уголке усадьбы под прикрытием высоких кирпичных стен и деревьев.

Он отчетливо понимал, это сон, и все равно было тоскливо и горько смотреть на свое бездыханное и неподвижное тело, да еще в открытые, остекленевшие глаза. Причем видел себя со стороны и понимал, что никто ему не поможет, охрана хватится и переполошится только утром, когда будет поздно, кровь свернется и тело окоченеет. Ноги уже стали холодными, а скрюченные руки не разгибались, чтоб дотянуться и взять телефон...

Думать, или, точнее, выстраивать свои мысли в цепочку, он уже не мог, в голове пронеслись вспышки, озаряющие всего лишь обрывки зрительных картинок. Очень похожих на те, когда летишь вниз в громыхающей шахтной клетке, и из мрака на мгновение являются освещенные горизонты, где мелькают люди, какие-то предметы и эпизоды прошлых событий, никак не связанных между собой.

Из всех же чувств осталась щемящая детская досада, сопряженная со страхом: что будет, когда о его смерти скажут матери?

Но тут откуда-то явилась девочка лет двенадцати, присела рядом на траву и стала качать кровать, словно зыбку, и вроде бы даже что-то напевать. Как и бывает во сне, лица он не разглядел, а только ее образ, эдакие цветные пятна молочно-белых волос, золотисто-коричневой загорелой кожи и голубоватые белки глаз. И плечи вроде бы покрыты синей тканью, которая постепенно переходит в такие же ночные сумерки.

– Ты кто? – будто бы спросил он.

Девочка перестала качать, молча поднесла зеркальце к его лицу и замерла. Глеб вспомнил, что так проверяют, жив человек или нет, и сразу понял: она и есть смерть. И ощутил какое-то странное и неуместное разочарование от ее юного вида – без косы на плече, без черных одеяний и совсем не страшная.

Но тут же его осенило: должно быть, к молодым и смерть приходит молодая...

И еще в голове пронеслось, что умер он не своей смертью – наверное, его убили сонного и сразу, выстрелом в затылок, поэтому не было больно.

Она же отняла зеркало, посмотрела и снова стала качать.

– Я уже умер, – сказал он. – И не дышу давно.

– А я тебя откачаю, – вдруг ответила девочка. – Чтобы ты проснулся и вспомнил меня.

Глеб попытался взглянуть, рассмотреть ее, но на лице была тень, растворяющая черты. Ни у кого из окружения, приближенных и близких дочерей такого возраста вроде бы и не было...

– Как тебя зовут? – спросил он.

– Ты меня совсем не помнишь?

– Нет...

– И никогда не видел?

– Не могу разглядеть лица. Тень... Повернись к свету!

– Это тень в твоей памяти, – проговорила девочка голосом, совсем не детским. – Откачай, вспомнишь и меня, и имя мое.

– Но я же умер!

– У тебя память умерла, ты все забыл. А я жду тебя, жду... Открой глаза и смотри!

В это время в голове проскочила какая-то искра воспоминания, но мимолетно, оставив лишь след, что это было давно, в детстве, а что именно и где, не отметилось. И сразу же поднялся ветер, причем осязаемый, реальный, так что белые волосы девочки откинуло назад, синее одеяние вздулось и затрепетало.

На миг он увидел ее открытое лицо, озаренное вспышкой молнии, хотел крикнуть:

– Я вспомнил!

Но не хватило доли секунды, ибо в это время ударил такой гром, что в голове зазвенело и речь отнялась, словно от контузии.

Он ожил и проснулся одновременно, когда еще гулкие грозовые раскаты не утихли, кровать качалась, словно маятник, запущенная рукой девочки, а самой уже не было, хотя осталось полное ощущение ее недавнего присутствия.

Над головой трепетал синий тент, но ниже ветер не доставал и никак уж не мог раскачать качалку, заслоненную высокой кирпичной стеной. Даже ветвистые кусты роз оставались неподвижными...

Охранник прибежал спустя примерно минуту, когда кровать почти остановилась.

– Глеб Николаевич! Сейчас врежет! Идите в дом!

Он еще старался сохранить некое послевкусие сна, чтобы запомнить, затвердить его детали и чувства, поэтому отмахнулся и, закрыв глаза, перевернулся на спину.

Молния высветила, но гром вышиб некую отправную точку воспоминания, и теперь перед взором осталось лишь совершенно пустое световое пятно. Охранник куда-то исчез, но скоро вернулся с развесистым, как парашют, пляжным зонтом и едва установил его над качалкой, как хлынул ливень и смыл остатки впечатлений от сновидения.

Летом, особенно душными ночами, Глеб всегда спал на открытом воздухе, и бывало, даже не заходил в дом, чтобы переодеться. Кровать-качалка стояла прямо в цветнике, прикрытая сверху тентом и кронами лип, и если начинался дождь, то спалось еще лучше. Домработница сюда же приносила ужин и халат, а потом завтрак и отглаженный костюм. Он переодевался тут же, на газоне, и ехал в офис, но иногда, если оставались вдвоем с охранником, то вообще заваливался спать, в чем возвращался с работы, и утром только менял мятую рубашку.

В этот раз так и было, поскольку домой вернулся поздно, сильно устал и даже от ужина отказался. Сервировочный столик, с вечера привезенный охранником, так и стоял в изголовье нетронутым. Глеб дотянулся рукой, нащупал горлышко бутылки и, выдернув пробку, сделал глоток коньяка.

Он не любил ту жизнь, в которой жил, а вернее, должен был делать вид, что живет, и она ему нравится; он просто-напросто соблюдал установленные правила игры, но когда никто не видел и можно было смухлевать, то делал это с удовольствием. Спал, к примеру, одетым и на улице, ел руками холодную картошку с салом, губы вытирал ладонью и писал, отойдя подальше, за розы, в мертвую зону, которую не доставали глаза охранных видеокамер. Он и дом этот купил лишь из соображений безопасности и чтоб можно было вот так поспать, дыша вольным воздухом. Огромные, пустые и необжитые хоромы в принципе не требовались, поскольку Глеб к тридцати годам все еще холостяковал.

Но когда жил в городской квартире, сначала спалили его новенький «порше», потом выстрелили в окно из мелкокалиберной винтовки. И хотя на жизнь еще не покушались, к тому же он знал, кто сделал ему столь внушительное предупреждение, все равно следовало поберечься, по крайней мере, для успокоения матери. Слухи по Новокузнецку разносились быстро, город претендовал на столичность, но оставался провинциальным по духу, любое событие,

произошедшее с известными людьми, обсуждалось по нарастающей и непременно достигало материнских ушей, хотя она жила в Осинниках. А еще и родная сестрица Вероника подсыропила: поддавшись непроверенным сплетням, сообщила, что болтали, дескать, будто Глеб ранен и в больнице. Сначала вообще говорили, что убит.

Потом пришлось ехать к матери, прыгать перед ней, махать руками и доказывать, что все члены и органы в порядке и пуля просвистела очень высоко над головой.

По крайней мере в охраняемом коттеджном поселке вряд ли кто отважится жечь машины, стрелять в окна из проезжающего мимо автомобиля и штурмовать кремлевские кирпичные стены, снабженные спецсредствами охраны и обороны.

Здесь можно было расслабиться и поспать под открытым небом, хотя начальник службы безопасности выставлял на ночь усиленный караул и намекал, что высокий забор не спасет, если захотят достать. Например, пара выстрелов из миномета, установленного за ограждением поселка, и никакие стены не спасут.

Из минометов пока не стреляли...

Полноценного сна в эту грозовую ночь Глеб так и не дождался: сначала гремело долго, потом несколько раз ниспадали с черного неба обвальные ливни, так что газон и цветник на некоторое время превращались в болото, и перед глазами стояло смутное лицо девочки, качающей кровать. А память с трудом пропускала его вглубь, и в тот момент, когда становилось почти тепло, сознание упиралось в некое зыбкое, непроглядное пространство или внезапно перескакивало на другие события ранней юности.

К утру Глеб слегка отсырел от общей влажности воздуха, даже и выяви немного окоченел и, натянув одеяло, уже засветло, согрелся и все-таки задремал.

В коротком, сиюминутном сне будто пробку вышибло из сосуда с памятью.

Это случилось в роковой год, когда на шахте произошел взрыв, в котором погибли отец и старший брат Никита. И, вероятно, настолько потрясло сознание, что затушевало всю предыдущую жизнь, в том числе и образ девочки, которая во сне откачивала его от приснившейся смерти. Выпал маленький и острый клинышек, когда жизнь забила другой клин, тупой, неотвратимый и могучий, словно железный колун.

Их хоронили поздней осенью, а летом, в июле, когда Никита только что закончил горный техникум и отец пошел в отпуск, Глеба наконец-то впервые взяли с собой в разведку. Так у них назывались всевозможные выезды в горы, на таежные речки и вообще по всем неизведанным местам. На рыбалку, за грибами и ягодами их с матерью и даже Веронику брали всегда, и без просьб, но когда, нашептавшись, уезжали куда-то тайно и, возвращаясь, опять шептались и перемигивались, то тут хоть заорись, не возьмут.

И чем больше они секретили свои разведки, тем сильнее у Глеба разгорался интерес. Отец работал бригадиром слесарей, которые готовили к добыче нарезанные участки угля, то есть подтягивали туда конвейер, гидравлические стойки, сжатый воздух, воду, а это все больше ручной труд, тяжелейшее железо и круглосуточная, посменная работа. И должен был бы осатанеть от этого, но он все время радовался, когда уходил на шахту, и в выходные не водку пил, как многие, – опять норовил забраться куда-нибудь под землю. Да еще старшего сына всюду таскал с собой.

Глеб догадывался, они что-то ищут в горах, скорее всего золото, оттого и делают все втайне от него, дескать, мал еще, разболтаешь. Заперевшись в мастерской, они рисовали какие-то схемы, карты, обсуждали маршруты на будущие выходные, что-то записывали, высчитывали, запасали веревки, блоки, инструмент, и он вынужден был только подслушивать и подглядывать. Возвращались они обычно веселыми, строили новые планы, однако иногда чем-то сильно озабоченными – разведка у них не удалась. Глеб не злорадствовал, но почти постоянно

чувствовал ревность и неприязнь к старшему брату, поскольку уже знал, что Никита отцу – не родной сын. Несмотря на это, он возится с пасынком больше, чем с ним, родным.

Однажды Глеб даже прорыл из подпола ход под пол мастерской и потом часто лежал там часа по два, чтоб выведать, о чем говорят. Они же словно догадывались, что рядом чужие уши, и шептались так тихо, что, пока не взяли в первую разведку, он так и не смог узнать, что именно они искали.

Отец часто называл гору Кайбынь, а Никита поминал Медную, и эти названия тогда завораживали, потому как стало ясно, что они наконец-то нашли там то, что искали.

И Глеб уже не сомневался – золото!

А в разведку взяли неожиданно, он уже и проситься перестал и собирался подслушать еще и сказать, что все про них знает, и потребовать, чтоб взяли, но тут вдруг Никита сказал:

– Ну что, батя, возьмем с собой этого балбеса?

– Думаешь, пора? – еще и усомнился тот. – Не заревет? А то придется ему сопли вытирать.

– А еще год, так и поздно будет! – засмеялся брат. – Но возьмем с условием, чтоб матери помогал, учился только на четыре и пять. И чтоб не ныл, если комары сожрут.

Он готов был на любые условия!

И вот они загрузили в отцову «Ниву» продукты, веревки, шахтерские каски, фонари и поехали в Таштагол, на целую неделю. Город Осинники стоял на холмах, и лесов вокруг было мало, а тут кругом высокие заманчивые горы, настоящая темная тайга, и само название места таинственное, шуршащее, как ночной ветер, – Горная Шория. Глеб всю дорогу только головой крутил, и душа замирала, когда машина катилась по крутым склонам. А когда свернули с асфальта и поехали по узкому, бесконечному проселку, вьющемуся меж гор, от счастья и восхищения Глеб, казалось, и дышать перестал. Изредка только и непроизвольно хватал воздух ртом, лип к стеклу и часто стучался о него лбом. Никита, как старший, сидел рядом с батей, невозмутимо и с бывалым видом глядел вперед. И, наверное, почудилось ему, будто брат всхлипывает, – обернулся и спросил с ухмылкой:

– Ты что там, заревел уже?

– Это он от восторга, – догадался отец. – У меня тоже бывает. Аж дух спирает!

Глеб спохватился, чувства свои унял, но ненадолго, батя еще больше интереса добавил.

– Знаешь, по какой дороге едем? – спросил загадочно. – О, можно сказать, по золотой!

Тут кругом прииски работали, полотно отсыпали отвалом... Если взять лоток, черпнуть грязи из любой колеи и промыть, можно еще золото найти.

– Да ну? – серьезно усомнился Никита.

Отец многозначительно прищурился и хмыкнул:

– Вот тебе и да ну...

Возле заброшенного поселка Таймет родник из-под горы бежал, там воды в канистры набрали, после чего поднялись на перевал, и тут впереди гора Кайбынь открылась. Темная, с зеленовато-белыми пятнами, неприступная, даже грозная, если смотреть издали, но какая-то одинокая, словно доживающая свой век красивая и гордая вдова. Дорога тут оказалась разбитой, машину бросало так, что все стучались о потолок, застрять можно было в любой момент, однако батя чудом проскакивал опасные места и еще разговаривать успевал:

– А знаешь, Глеб, почему так гора называется – Кайбынь? Песня земли! Здорово, да?

– Если точнее, пение земных недр, – поправил его Никита. – Или голоса, доносящиеся из недр.

– Я у шорцев спрашивал, – заспорил с ним отец. – Говорят, просто песня земли. Ну, или из горы...

– Это в просторечии так. Но все равно это подтверждает нашу теорию. Они выходят и поют...

Тут у них с Никитой начался тот же самый непонятный разговор о каких-то подземных жителях и про их песни, что Глеб уже не раз слышал, когда лежал под полом в мастерской.

Наконец они кое-как подъехали к подножью Кайбыни и остановились возле заросшего березняком старого отвала, за которым оказался вход в штольню, загороженный толстыми плахами. Никита сказал, ее зеки пробили еще в пятидесятые годы, мол, здесь геологи разведку самородной меди делали, и будто в этой горе много еще и серебра, и золота осталось. Батя же с ним опять заспорил, дескать, зеки работали на урановых рудниках где-то тут недалеко, а штольню все-таки били вольнонаемные горняки, но Глеб в их споры тогда не вникал и, пока разгружали вещи, успел все окрестности обежать и даже в саму штольню заглянул. Там же – мрак, сыростью пахнет, слышен даже какой-то шорох, как от слова «Шория» – одному войти еще было жутковато. Да и Никита окликнул, дескать, нечего болтаться, собирай дрова и разводи костер...

Они попили чаю, после чего нарядились в непромокаемые робы, каски, открыли деревянную дверь и вошли в темноту. С кровли местами капез сплошной, вода по стенкам течет и под ногами ручейки хлюпают. В штольне колея осталась, вагонетки, кое-где деревянные крепи стоят, а в иных местах, где они сломались и сгнили, обвал произошел, так что пролезть можно только ползком. Батя один такой завал осмотрел и сказал Никите, мол, смотри, это чудские девки купол выпустили, чтоб чужим вход в штольню перекрыть. Кто такие чудские девки и как они купола выпускают, Глеб еще не знал и, дабы сохранить достоинство, с расспросами не приставал. Все было так интересно и таинственно, да еще отец с Никитой почему-то шепотом переговаривались и двигались осторожно, словно ждали, что из темноты кто-нибудь выскочит. Долго так шли, пока впереди не показался перекресток – два квершлага уходили влево и вправо.

Остановились, посоветовались, и отец пошел по правому, а Никита с Глебом – по левому, причем еще осторожнее, и все стены лучами освещали. Нет-нет да блеснет что-то в породе.

– Это золото? – спрашивает Глеб шепотом.

Никита же присмотрится и рукой махнет.

– Пирит...

В одном месте большое пятно заблестело – ну точно, золото! Однако брат снова отмахнулся.

– Колчедан, – говорит. – Не обращай внимания.

– А когда золото будет?

Никита даже как-то хитро засмеялся:

– С чего ты взял, что будет? Ты не золото ищи, а углубления в стенах и норы.

– На что нам норы?

– Чтоб через них попасть в чудские копи, – объяснил брат. – Из какого-то квершлага есть вход, узкая такая щель. Она, может, камнем прикрыта, так что гляди внимательнее. Когда зеки проходку делали, то нашли, и целая смена сбежала через эти копи. Я подтверждение получил.

– А на что нам копи?

– Как на что? Это же интересно, попасть через них в самые недра земли, где чудь живет.

– Чудь, это кто? Животные такие?

– Сам ты! Люди подземные.

– Шахтеры, что ли?

– Примерно как шахтеры.

– Зачем на них смотреть?

– Узнать, как живут, что делают.

Глеб тогда не поверил и решил, что Никита его обманывает, а сам ищет место, где золота побольше, чтобы нарубить его, как угля, сразу целый мешок. Или у него где-то здесь уже нарубленное спрятано.

Так они дошли до самого тупика и там даже стены ощупали, не шевелится ли и не вынимается ли какой камень. Но кругом были хоть и неровные, но крепкие стены, и только мелкая щебенка отковыривалась. Таким же образом они прошли обратно, шаря лучами фонарей, и казалось, золота блестело еще больше. На перекрестке в штольне подождали отца, а он спрашивает:

- Ну, как?
- На первый взгляд ничего.
- У меня тоже...

И двинулись в обратном направлении.

Вечером поставили палатку, сварили ужин на костре, и когда стемнело, отец, как всегда, стал рассказывать всякие смешные и интересные истории. Дело в том, что горняки часто наблюдали в шахтах нечто необычное, особенно те, кто в одиночку ходил по дальним штрекам – ремонтники, электрики. Будто некие тени впереди мелькали, а то и огоньки странные, будто звезды под землей светятся или даже луна проплывет впереди, и нет никого. Несколько раз наткнулись на каких-то людей, бог весть как в шахте оказавшихся, которые никак в руки не даются. Однажды даже такого спящим нашли: верно, притомился и прилег в углу заброшенного вентиляционного штрека. Хорошо, вместе с электриком горный инспектор по надзору был, тоже видел и все подтвердил. Он же человек солидный, серьезный. Когда наткнулись на храпящего мужика, сперва подумали, кто-то из смены спрятался и спит. Ну и растолкали, дескать, вставай, как фамилия, почему здесь, а он вскочил и дал стрекача. Причем в полной темноте, и ни разу не споткнулся! Заметили только, волос белый, как молоко, и одет в бордовую тряпку, на буддийского монаха похож.

Отец с Никитой думали, что это и был чудин, который каким-то тайным ходом проник в шахту.

Горный инспектор приказал в другой раз поймать и на-гора поднять во что бы то ни стало, сам заинтересовался, что это за люди бродят по выработкам. И вот как-то раз опять такого же спящего человека нашли – это будто на шахте «Распадской» было, и решили исполнить приказ. Осторожно подкрались, схватили, затолкали в брезентовый вентиляционный рукав, завязали с двух концов и поперли его бегом. Он там возится, мычит, будто даже что-то говорит, только непонятно. Думали, уж точно чудина изловили, таинственного жителя земных недр. Бесценный материал для науки! Когда же в клетки прислушались – вроде матом ругается. Ну, развязали, глядь, а это слесарь полупьяный, со вчерашнего дня не просох и еще в шахту водку прихватил. А белый от того, что весь в инертном порошке вывалялся, которым посыпают выработки в шахтах, опасных по газу и пыли.

Все это было интересно, смешно, однако Глебу стало немного обидно, словно его обманули. На следующий день они снова отправились в штольню и разошлись по квершлагам, только теперь поменялись, кто куда, чтоб свежим взглядом стены осмотреть. Отец в паре с Глебом, а Никита в одиночку. Опять норы искали, щелки, сквозь которые сквозняком тянет, для этого даже свечку с собой прихватили, чтобы определить, отклоняется ли пламя. Отец иногда заставит свет выключить и замереть – ему казалось, кто-то ходит, чужие шаги слышались. Но Глебу, напротив, чудилось, будто на него кто-то смотрит из кромешной тьмы, и так пристально, что спину знобит. А зажжешь фонарь, так сразу это жутковатое ощущение пропадает. В некоторых местах они камни ощупывали и даже простукивали, нет ли пустоты под ним, и так до самого вечера проходили. Надоело уже тудасюда болтаться. Глеб и решил проверить, наврал ему Никита или нет, увидел блеск на стене и спрашивает:

- Бать, это что, пирит или колчедан?

Тот же с интересом желтые потеки оглядел, кирочкой в ладонь ковырнул, взвесил в руке.

– Да у тебя глаза алмаз! Ё-мое – золото! Коренное! Ну, ты рудознавец! Надо место запомнить! Завтра придем и наковыряем!

И всю обратную дорогу шел, удивлялся и нахваливал. Пришли на перекресток, а Никиты еще нет, подождали, покричали даже. Фонари, конечно, выключили, аккумуляторы берегли. Долго стояли в темноте, наконец в квершлаг луч замелькал, брат явился и какой-то испуганный, оглядывается.

– Ты чего? – спросил отец.

– Думал, это вы идете. Свет какой-то мелькал...

– Где?

– Позади меня...

– Ну а ты что же? Надо было выключить фонарь и подождать. Глянул бы, кто там ходит.

– Завтра обязательно гляну, – будто нехотя пообещал брат, но по всему видно, жутковато самому.

Еще постояли в темноте, приглядываясь и прислушиваясь, – ничего, только вода капает, иногда на шаги похоже.

– Наверное, показалось, – успокоил отец. – Это бывает... Глеб у нас сегодня отличился! Золото нашел!

– Да ну? – изумился взбодренный Никита. – Во, молодец!

– Завтра добывать пойдём!

После ужина забрались в палатку, и отец даже баек не рассказывал, сразу же захрапел, следом за ним вроде и Никита засопел, но Глеб никак уснуть не мог, лежал и представлял, как они завтра наковыряют золота, потом его продадут, и тогда ему купят если не мотоцикл «Минск», то новенький мопед «Рига». А еще форму футбольную, настоящий мяч, хоккейные коньки и клюшку. Неплохо бы и горный велосипед, чтоб с терриконов кататься! И так, мечтая, заснул ненадолго, и когда среди ночи подскочил – пусто в палатке! Полежал, выглянул, и у костра никого, угли едва тлеют...

Тут уж не до сна стало Глебу. Гадая, куда отец с братом ночью уйти могли, он дров подбросил и стал ждать. А они только под утро, на рассвете пришли, причем тихо, и со стороны входа в штольню. Идут и опять перешептываются, что-то обсуждают, но увидели Глеба и при молкли. И сразу стало понятно – ходили ночью без него золото добывать!

– Вы где были? – спросил он. – Так нечестно!

– Да мы за ночными огнями наблюдали, – соврал Никита. – Хотели тебя с собой взять, а ты спишь без задних ног.

У самих же все каски и спины мокрые, блестят, значит, в штольне были. Глебу еще обиднее стало, однако промолчал и решил, что на следующую ночь он ни на минуту не заснет.

Потом они проспали чуть ли не до обеда, в штольню пошли поздно, и не золото добывать, а снова лазы и норы чудские искать, причем все втроем в один квершлаг. На сей раз весь тупик досконально обстучали, причем даже кровлю и подошву, то есть пол. И вот в одном месте, возле самой стены, нашли в полу каменную плиту, присыпанную сверху мелкой крошкой. Под ней оказалась явная пустота: киркой постучишь, вроде ничего, а попрыгаешь – гудит внизу! Свет выключили, легли и давай слушать, что под ней творится. Пожалуй, целый час лежали, дыхнуть боялись, и отцу опять казалось, чьи-то шаги шуршат, но Глебу вновь почувдились чужие глаза, смотрящие из темноты. Вроде проморгаешься, присмотришься – никого, а только отвернешься, и глядят в затылок.

– Бать, мне все кажется, кто-то глядит из темноты, – признался он. – А никого нет.

– Наверное, какая-нибудь чудинка тебя приглядывает, – засмеялся тот. – Гляди, чтоб не утащила!

Он тогда его слова за шутку принял.

Потом контуры плиты вычистили кирками, но скосынуть и поднять ее оказалось нечем, больно громоздка.

– Завтра из машины лом принесем, – сказал отец. – Слег нарубим и с помощью какой-нибудь матери подыдем.

Глеб же еще засветло незаметно приготовил кирку, кувалдочку и твердосплавное зубило, сложил все в свой рюкзачок и спрашивает:

– Вы ночью опять огни смотреть пойдете?

– Вчера насмотрелись, – сказал Никита. – Так что спи, не бойся. Завтра рано вставать, отоспаться надо.

Залезли после ужина в палатку, комаров перебили, мазью намазались, накрылись одеялами и впрямь уснули. Глеб осторожно выбрался, надел непромокаемую куртку, каску свою взял, рюкзак, и в штольню.

А дорожка там уже знакома и набита-натоптана, камни с пути убраны, так что он через двадцать минут уже на перекрестке был и оттуда нырнул в квершлаг, где золото. Место он хорошо запомнил и даже несмотря на быстро тускнеющий фонарь отыскал скоро – отец с Никитой, наверное, где-то в другом месте добывали и это не тронули. Глеб куртку расстелил и принялся выкалывать из породы желтые жилки. Они уже не такими и крепкими оказались, если приноровиться и вырубать малыми кусочками. Трудно было первую горизонтальную борозду просечь, а потом сверху зубилом только скалывай. Единственная беда, аккумулятор садится, потому что все дни, пока ходили по штольне, отец с Никитой свои сэкономили и заставляли Глеба подсвечивать дорогу своим фонарем. Он на несколько минут гасил лампочку, чтоб энергия скопилась, после чего включал и орудовал зубилом с кувалдочкой. За полчаса целую пригоршню добыл, и если пустую породу убрать, то горсть точно будет!

Он сдобрил поверхностный слой, а дальше жила еще толще оказалась, и блеск живее – переливается, сверкает! Тут не только на «Минск» – на целый «Урал» нарубить можно. Разве что добывать труднее, надо все вокруг сшибать, чтоб до середины добраться. А камень крепкий, под зубилом аж звенит, и только пыль выбивается. Да и руки устали, поэтому промахнулся в полумраке кувалдочкой, и по пальцам. И не только больно, еще и кожу с суставов-козонков снес, кровь потекла. Глеб подол рубашки достал, завернул руку, и тут фонарь как-то быстро померк и через минуту вовсе погас. Он лампочку выключил, аккумулятор за пазуху сунул, чтоб согрелся, подождал немного, а все, зарядка кончилась!

Глеб не испугался темноты и, зная путь, ощупью бы вышел, что там идти-то? По квершлагу в штольню, там направо, метров четыреста по сухому, потом сквозь сплошной капеж, который отец называл душем Шарко, а там уже и до выхода не так далеко. Больше всего жаль было, мало золота добыл, и самое хорошее, блестящее в жиле осталось. Собрал он то, что накопировал, спрятал в карман, инструменты прихватил и по стеночке назад. Щупал здоровой правой рукой рваный камень, левую так и держал завернутой в рубаху. Вроде уже штольня должна быть, а нет почему-то, выключатель покрутил – сдохла батарея. Еще немного прошагал, и на тебе, тупик! Видно, отвлекся, проскочил перекресток и в правый квершлаг ушел.

Развернулся и теперь побитой рукой за стенку держится, чтоб уж точно не промахнуться. И в самом деле, скоро угол нашупал и даже деревянные стойки, что поддерживали кровлю в штольне. Дух перевел, повернул и опять вдоль стены – тут уж совсем немного осталось: сейчас будет завал, сквозь который обычно на четвереньках пролазили, потом небольшая груда камней, а там уже и капеж слышно. Шел-шел, но завала никакого нет, и почуял ногами, подошва будто вниз уходит, под горку. Все равно страха он не испытал еще: одно дело, когда с фонарем идешь, с отцом и братом и другое – в полной темноте, один. И только когда штольня совсем сузилась, так что плечами стал обеих стенок касаться, тут первый раз и дрогнула душа: не должно быть такого места нигде!

Еще шагов сто сделал и вдруг вообще стены потерял, какая-то пустота вокруг...

В одну сторону прошел, в другую, потом назад возвратился – ни крепей, ни стен, и чудится, над головой кровля так высоко, словно небо. И под ногами не камень, а песок...

Но в первый миг больше не страху было, обиды, что от бати влетит и смеяться над ним станут, в другой раз с собой в разведку не возьмут. Глеб выставил вперед обе руки, чтоб не удариться, если вдруг стена появится, пошел прямо и скоро наткнулся на каменный столб. А за ним опять пустота...

Вот здесь и оборвалась душа! Он сел под эту колонну и глядь, фонарь движется! Луч мелькает и прямо к нему – отец или Никита хватились!

«Ну, сейчас будет!» – пронеслось в голове, и уже оправдание придумывать начал, но смотрит, а это какая-то белобрысая девчонка, и фонарь в руке у нее яркий, на неоновый больше похож.

Подошла, на корточках присела – примерно ровесница, коленки к подбородку, худенькая, и спрашивает:

– Ты заблудился?

Глеб отрицательно головой помотал. Откуда здесь взялась? Никаких туристов, никаких палаток по пути не видели, вообще гора Кайбынь далеко от дорог, и место глухое...

Да и как в штольню попала?!

Она же свой фонарик поставила и говорит:

– Дай руку.

– Зачем тебе?

– Я ранки закрою, они и заживут.

– Ничего, так пройдет, – упрямо сказал он.

– Почему тут сидишь? – спросила девчонка. – У тебя свет погас?

– Батарея села...

– А что ты делал?

– Тебе-то что? – с вызовом спросил Глеб. – Не скажу!

Она же засмеялась, но без ехидства, а как-то даже приятно.

– Я и так знаю! Видела, как ты стенку ковырял. Хотел рази добыть. Руку поранил...

– Кого-кого?

– Разь. Это у нас золото так называется.

– Ну и хотел! Твое, что ли?

– Думаешь, это разь?

Глеб тут только и рассмотрел, что девчонка смуглая, загорелая, будто целыми днями под солнцем валялась. И одета в какую-то долгополую, шелковую на вид и совершенно сухую тряпку.

Как только сквозь сплошной капеж прошла?

– А что по-твоему?

– Обманка. Золото не такое.

Он хотел ответить ей грубо, однако неожиданно встретился с ней взглядом и не посмел. Глаза у нее были не такие, как у обыкновенных девчонок, – совсем светлые, будто она слепая. Или из-за фонаря так показалось, потому как свет был другой, не электрический какой-то, а словно от яркой луны.

– На, погляди на мой светоч. – Она поставила перед ним этот светильник. – Он весь из рази.

Голос у нее был насмешливый, но не обидный...

Глеб однажды только видел у матери колечко, которое та надежно прятала вместе со своими документами, но фонарей с золотыми отражателями точно не встречал: круглая, желтая тарелочка на ножке, и посередине что-то вроде куска зеленоватого, бутылочного стекла, никак на электрическую лампочку не похожего. Но из него бьет голубоватый луч и, отражаясь, рассеивается широким потоком света. Ни батареек, ни проводов, ни фитиля...

Классная штукавина, конечно. Тарелка, петелька, за которую держать, и даже ножка на самом деле золотые... Он не удержался, в руки взял – тяжелый фонарь, со всех сторон оглядел.

– Из настоящего золота?

– Из настоящего.

– А лампочка из чего?

– Камешек самоцветный.

– На долго хватает?

– Навсегда.

– Здоровский фонарик...

– Я тебе подарю такой, – благосклонно пообещала она. – Если сам меня найдешь, когда вырастешь. А обманку брось. Хочешь, покажу настоящую горную разь?

– Хочу, – согласился Глеб, чувствуя, как его начинает распирает от непонятного восхищения.

– Пойдем!

И повела куда-то в темное пространство. Не так много и прошли, девчонка поднимает светоч над головой – стена впереди озарилась белыми косыми полосами, а в них темные, желтые разводья, больше на медные похожи, и совсем не блестят.

– Гляди!

– Это разве золото? – усомнился Глеб. – Тусклое какое-то...

– В недрах разь никогда не блестит, – сказала девчонка. – Она только от слепых человеческих глаз разгорается. Или от камня самоцветного... Ну, если посмотрел, иди. Дорогу помнишь?

Он смутился и в первую минуту не знал, что делать: признаваться, что заблудился и без фонаря оказался, или нет – так стыдно перед девчонкой...

А она будто угадала, что Глеб в замешательстве, и говорит так снисходительно:

– Ладно, пойдем. На сей раз выведу. Только ступай по моим следам и не отставай.

Сказала так и пошла куда-то совсем в другую сторону – совсем не туда, где, как Глебу казалось, должен быть выход. Но он спорить не стал и поплелся за ней. Девчонка же идет как-то странно – ногами вроде бы не перебирает и будто плывет, или из-за одежины ее длинной – не видно. Причем светит не себе, а ему, повернув фонарь отражателем назад.

И хоть бы раз оступилась или запнулась. Глеб же присмотрелся, и почудилось, что под ногами не просто каменная крошка шуршит, а вроде как золотой песок. Хотел на ходу нагрести горсточку, но только чуть склонится, как девчонка тут же оборачивается и поторапливает:

– Не отставай и по следам ступай.

Из пустого пространства в какой-то ход завела, где слева и справа чуть ли не на каждом шагу всякие норы нарыты, лазы. В один из них нырнули и совсем немного прошли, как неожиданно в знакомой штольне очутились! Причем где-то между завалом и душем Шарко.

Когда к выходу шли, где в некоторых местах с кровли чуть ли не потоки срывались, девчонка ловко под них подныривала и выходила сухой из воды. Глеб попробовал повторить ее змеиное движение и в результате промок насквозь – струя за шиворот попала.

Привела она Глеба к деревянной двери и внезапно фонарем ему прямо в лицо посветила, так что он ослеп на минуту. И больше ее не увидел, но голос услышал:

– Да просветлятся твои очи! Но забудешь меня – зельем опою!

И назвала свое имя, которое он потом, по прошествии лет, никак не мог вспомнить...

Глеб тогда ничего ни отцу, ни, тем паче, брату, не рассказал, а стащил сапоги, робу, забрался в палатку, согрелся в спальнике и даже очень скоро заснул, да так крепко, что утром едва растолкали. Свои ночные приключения и имя девчонки он спервоначалу отчетливо пом-

нил, но помалкивал и, когда полез в карман, обнаружил там горсть какой-то легковесной, блестящей шелухи, при солнечном свете уж никак не похожей на золото.

Разведка в горе Кайбынь у них ничем не закончилась, плиту подковырнули, подняли, но под ней оказалась совсем не глубокая и пустая яма. Еще через день все аккумуляторы сели, поэтому они свернули лагерь и поехали в Осинники. Правда, по дороге отец с Никитой замыслили новую разведку, к Медной горе, и уже ничего от Глеба не скрывали. И тут только признались, что обманули его с золотом, что был это обыкновенный пирит, и что знали, как он тайно ночью ходил в квершлаг его ковырять. Таким образом, проверяли, не струсит ли. Он не струсил, и потому теперь его можно смело брать в следующую разведку.

Только они оба так и не узнали, где он побывал и что там посмотрел, да и новой разведке уже не суждено было состояться, ибо через несколько месяцев на шахте прогремел взрыв...

Мать Глеба Софья Ивановна была женщиной сильной и горе вынесла почти без слез, только вечерами брала на руки дочь Веронику, обнимала ее и надолго замирала с остекленевшими, пугающими глазами. И вывести ее из этого состояния можно было только чем-то неожиданным, например, встать на руки и пройти через всю комнату или рассказать что-то очень интересное, необычное, как это батя делал. Чтоб отвлечь ее, как-то раз Глеб неожиданно для себя и поведал про последнюю разведку, о всех приключениях и в том числе о белобрысой девчонке, которая откуда-то взялась под горой Кайбынь. И тогда же назвал матери ее имя. Она заинтересовалась и еще переспросила, потому что тоже никогда такого имени не слышала, и показалось, отнеслась к его внезапному откровению очень серьезно. Хотя он думал просто ее развлечь...

И вот теперь, уже утром, после ночной грозы и ливня, Глеб лежал в качалке и насиловал свою память. Он восстановил всю цепочку давних событий, вспомнил многие мелкие детали последней разведки, но напрочь выпало одно важное звено – имя девочки, что вывела его тогда из неведомого пространства в недрах земли и сейчас откачала от приснившейся смерти. Имя ее точно было не русское, звучало необычно, хотя в чем-то и знакомо, и еще или начиналось с буквы «Д», или ею заканчивалось.

Это был своеобразный утренний моцион, тренинг сознания – вспомнить то, что вылетело напрочь, восстановить утраченное через какие-то ассоциации, но сколько бы он ни мучался, сколько бы ни перебирал в памяти полузабытые собственные ощущения – в основном вкус, запах и цвет, имя не возрождалось. Ко всему прочему, его начало клинить на имени Диана, вероятно оттого, что уже несколько лет по телевизору и в газетах обсуждалась смерть одноименной принцессы.

Он почти уверовал, что белобрысую девчонку так и звали, и, чтоб в том убедиться, позвонил матери. В последнее время она увлеклась разгадыванием кроссвордов, и подобная головоломка могла ее заинтересовать.

– Как ты рассказывал про разведку, хорошо помню, – призналась она. – Про белобрысую девчонку помню. Имя называл... А какое, убей бог... Погоди, не Диора, случайно?

– Диора? Может, Диана?

– Там была буква «Р»! Это точно! Веронка тогда еще картавила и училась выговаривать слова с этой буквой. Ты позвони-ка ей. Она долго его бормотала, может, прилипло к языку...

У Глеба с сестрой были очень трудные отношения из-за ее бывшего мужа, и все-таки, влекомый любопытством, он позвонил ей уже из машины, когда ехал на работу.

– Не помню, – сухо отозвалась Верона, выслушав короткое предисловие. – Я маленькая была.

– Ты тогда картавила и это имя долго твердила, – напомнил он. – Там есть буквы «Д» и «Р».

– Ариадна, если по всяким пещерам ходила.

– Похоже, но не так звучит! Это у тебя ассоциации с нитью Ариадны. Ты подумай...

Мириться она никак не хотела, ибо до сих пор считала, что конкуренция Глеба с ее бывшим супругом послужила причиной их раздора и распада семьи.

– Некогда мне твои ребусы разгадывать, – проговорила сестра и положила трубку.

А он разгадывал еще, пожалуй, четверть часа, пока не вошел в офис своей компании, за дверями которой начинались совершенно иные ребусы...

2

Стук в окошко был негромким, не пугающим, но в мгновение всколыхнул и встревожил. Так обыкновенно стучал Коля, когда возвращался рано утром с ночной смены, чтобы детей не будить, а потом и Никита, когда пошел на шахту. Софья Ивановна в тот же миг просыпалась, на цыпочках бежала отпирать дверь, и сразу на кухню, чтоб разогреть с вечера приготовленный завтрак, накормить своих мужиков и уложить в постель...

Сейчас же стояла хоть и летняя, светлая, однако полночь, и Софья Ивановна никого не ждала, вернее, почти уж ждать перестала и потому решила, что этот мимолетный стук все же ей почудился. Она как всегда в бессонные ночи сидела перед немым телевизором – звук был отключен, маячила только картинка, оживляя тем самым пустой дом. Софья Ивановна вязала Веронике пуловер с высоким воротником и была озабочена тем, что ниток не хватит, – всего, может быть, одного мотка.

Замерев, она посидела, прислушиваясь к привычной тишине, но, кроме стука ее взволнованного, вдовьего сердца, ничего более не было, да и не могло быть слышно в доме. За окном глухо громыхнул железнодорожный состав на обогатительной фабрике, да где-то за огородами коротко и сипло взлаяла собака: без зимних рам все ночные далекие звуки стали ближе, однако тоже были привычными и не тревожили.

Все последние годы ее тревожила сильнее всего единственная мысль: семья раскатилась, разъехалась, и теперь, наверное, уже никогда не собрать ее под одним кровом, как петельки оброченной на пол и распущенной вязки с замысловатым узором, хоть распускай, сматывая в клубок и начинай все сначала.

Но такого быть не могло...

И все равно Софья Ивановна обернулась и глянула на зашторенное окошко...

В это время стук повторился, теперь не призрачный – в левый нижний уголок, куда всегда и стучал Коля...

– Кто там? – громко спросила она.

И вдруг услышала:

– Мама, это я... Не пугайся.

Она узнала голос, и оттого на мгновение обмерла, оцепенела. И не поверила, потому проговорила сдавленно, чужими губами:

– Кто – я? Что надо?

За окном хрустнула сухая ветка малины, возникло некое замешательство.

– А Софья Ивановна Перегудова еще здесь живет?

В душе у нее что-то подломилось и обрушилось: это был и впрямь голос сына, много лет стоявший у нее в ушах...

– Здесь...

– Не бойся, мам. Это я, Никита...

В глазах потемнело, голова закружилась и сердце будто бы остановилось, но при всем этом мысль была прозрачной и единственной – она сходит с ума...

Это же не так трудно – сойти с ума от одиночества. Говорят, люди сходят и не замечают этого...

Даже после аварии на шахте, когда спасатели поднимали тела погибших горняков и всеобщее неумное горе длилось несколько дней и ночей, Софья Ивановна не теряла рассудка и не опасалась его потерять. Даже когда увидела на лавке в душевой окостеневшего Колю, уже отмытого товарищами от угольной пыли в шахтной бане, со сложенными и связанными полотенцем руками на груди, как положено в гроб класть; даже когда ей показали оплавленный самоспасатель сына Никиты, угодившего вместе со своим напарником в эпицентр взрыва и

последующего пожара, она не утратила присутствия духа и разум ей повиновался. Только душа сначала разгорелась и спеклась, словно горячий кокс, а потом застыла под ледяной водой.

Двое младших детей еще оставались, растить надо было, поднимать – Глебу тринадцатый, Веронике и вовсе пять...

И вот спустя долгих семнадцать лет от полузабытого уже и осторожного стука в оконный глазок вдруг лопнуло ее великое терпение, стерлось, ровно пыль, и оказалось, разум-то уже незаметно сотлел за эти годы...

Она сделала отчаянную попытку взять себя в руки, встала из кресла, включила яркий верхний свет и потом телевизор, да еще на полную громкость – первое, что в голову пришло. Снова села спиной к окошку как ни в чем не бывало, корзинку с нитками и вязкой взяла, уставилась в экран и едва поймала спицей первую петельку, как даже сквозь гремучие динамики услышала – стучат в тот же уголок окна, и вроде посильнее! И будто опять Никитин голос зовет: – Мама, мама? Это я пришел. Отвори...

Она боялась не то что приблизиться, но и взглянуть в сторону окна, хотя одновременно чувствовала, как ее тянет подойти и откинуть занавеску...

Дочь Вероника ей когда-то икону с лампадкой привезла, повесила в девичьей комнате, мол, ты хоть и старая боевая комсомолка, а теперь это принято, даже положено – в доме образа держать. Она и в церкви повенчалась со своим мужем, и внучку окрестили, и даже городскую квартиру освятили. Молодежь как-то быстро увлеклась религией, модно стало, а в ней все еще бродили остатки комсомольского мятежного, ищущего духа, и ничего поделать с этим было невозможно. Правда, и духом смирилась, но и помудрелась одновременно, чтобы вот так, в одночасье, без чувств и страсти взять свечечку и пойти в храм ради моды....

Софья Ивановна сейчас вспомнила это, побежала было за иконой, и тут спохватилась, что мечется по дому полуголая, растрепанная – ночи были душные, окна не откроешь, комары, да и как-то беспокойно жить – одной нараспашку. Хоть шторы задернуты, никто не видит, и все равно не хорошо – правда, как сумасшедшая...

Сдернула со стула халат, а в окошко все еще стучат:

– Мама,пусти, мы с дороги...

Кто мы? Кого принесло?..

Софья Ивановна из последних сил, по стеночке, в коридор, и там на глаза телефон попал. Хоть заледеневшие руки не тряслись, но все равно сразу набрать номер не получилось. Наконец услышала длинные гудки, потом заспанный голос Вероники и осязаемо, с чувством, будто в руках и в самом деле спасительная соломина, ухватилась за него и ощутила, как пол выровнялся и перестал качаться.

– Мам, ты что это среди ночи? Что случилось? Не заболела?

Вообще-то Софья Ивановна хворала редко, да и то простудой или гриппом; бессонницу она не считала болезнью, никогда на нее не жаловалась, поэтому дети не привыкли опасаться за ее здоровье. И ночами никогда не звонила, чтоб лишний раз не тревожить.

Вероника всегда казалась ближе, может оттого, что дочка, и жила дольше с ней под одной крышей, чаще приезжала. И еще судьба ее была незавидной, если не сказать, несчастной. Замуж вышла рано, и как казалось, удачно. Мало того что молодой и красивый – богатый и успешный, и не первый встречный – студенческий приятель Глеба, Казанцев. Правда, потом они врагами стали, но тогда Вероника уехала в Новокузнецк, поселилась, можно сказать, во дворце, выучилась водить автомобиль, летала по заграницам и матери только карточки слала, эдакие фотоотчеты, где они с Артемом побывали и что повидали.

Артем мечтал о дочке, и она по заказу – это бывает от большой любви – родила Ульяновку.

И за год так растолстела, что кое-как в машину садилась, а сколько беды по лестнице подняться. Естественно, мужу это не понравилось: ему ведь надо было к иностранцам на всякие презентации являться с красавицей-женой, – в ее присутствии встречаться с партнерами по бизнесу, чтоб завидовали. Вероника же из представительского класса, как он потом сказал, превратилась в тумбу, в бабень, с которой ему стыдно на глаза показаться.

Повозился не долго, и когда врачи сказали, что у нее в организме произошли какие-то необратимые изменения, вызванные беременностью, и это не лечится, да еще посадили на инвалидность, насильно забрал дочь грудного возраста, невзирая на венчание, бросил Веронику и сошелся с другой. Вот и вся их религия. Оставил бывшей жене только поношенный джип и сначала вообще из дома выставил, в гараже жила, но, видно, потом совесть заела, купил однокомнатную квартиру.

Дочка от горя и одиночества, как утопающая, сначала еще барахталась, университет закончила, надомную работу нашла, но потом сдалась, религией увлеклась, стала по монастырям ездить, с батюшками дружить, без благословления шагу не ступит. Одно время и вовсе ее послали с кружкой стоять, милостыню собирать на восстановление храма. Ладно, хоть случайно Глеб увидел и, чтоб самому не позориться, дал ей много денег, чтоб больше не посылали. Вероника для себя денег у брата не брала, но на храм взяла. Она и подруг завела соответствующих – все с каким-нибудь изъязном, больные или одинокие, надежды утратившие и давно на себя рукой махнувшие. Вот бы им хоть чуть-чуть гонимого и ругаемого комсомольского духа! Потом хоть на работу, хоть в церковь, хоть замуж – везде бы с толком.

– Я тут уборку делала, – вспомнила Софья Ивановна. – И твои таблетки нашла. Тебе их послать или сама приедешь?

– Какие таблетки, мам? – Голос ее, словно прохладный ветер, обдувал горячечную голову и распаленное воображение. – Да плюнь ты на них! Чего бы хорошего... – Так, наверное, дороге! – обретая уверенность, посетовала она. – Упаковка такая красивая... А у тебя еще-то есть?

– Есть, мам, не волнуйся. Это витаминный комплекс, в любой аптеке продают... У тебя правда ничего не случилось? Почему ты не спишь? Второй час...

Должно быть, голос выдавал или сам поздний звонок...

– Я уборку делала. А теперь вяжу. И знаешь, мотка ниток не хватит. Ты завтра не сможешь привезти? Я в Осинниках таких не найду.

Хотя на самом деле таких ниток было завались...

– Мне утром на исповедь, мам, если только к вечеру...

– Эх, жалко, сегодня бы тебе пуловер довязала.

– Да ведь поздно, ложись!

– А я днем выпалась...

– Ну, ладно, мама, давай отдыхай, хватит. Прочитай «Отче наш» и «На сон грядущий». Они на принтере отпечатаны и за иконой лежат. Это тебе вместо снотворного.

Ей же еще хотелось поговорить, только она не успела сообразить, о чем, а Вероника уже готова была положить трубку.

– Пока-пока, мам, целую. Спокойной ночи!

– Погоди, Верона, я тут вспомнила!.. – не сдержалась Софья Ивановна. – У тебя старые карточки были, с Никиткой. Где он тебя на руках держит...

– Ну есть, да, а что? – все-таки встревожилась дочь.

– Когда поедешь, прихвати. Я закажу, копии сделаю. Сейчас такие хорошие копии делают, не отличить...

– Да я сама тебе сделаю, если надо. Не выходя из дома...

– Сделай, ладно?

– Мам, на что тебе?

– Хочу другой овал на памятник заказать, – призналась Софья Ивановна. – Старый потускнел, да и мне не нравится, не похож там на себя. А где тебя держит – похож... Эмалевый закажу, так вовсе не сотрется.

– Ты что, мам, нас двоих хочешь на памятник повесить?

– Нет, конечно. Я спрашивала, мастера говорят, обрежем и одного оставим.

– Никитка там совсем молодой! Ты что это придумала?

– Он такой перед глазами у меня стоит.

– Вот ты о чем по ночам думаешь, – догадалась Вероника. – И потому не спишь. Ну-ка, прекрати и ложись. Я сама закажу овал и привезу! И больше не думай!

Могила Никиты была рядом с Колиной, но пустая. Точнее, похоронен был гроб, куда положили несколько горстей пепла, собранного на месте гибели шахтеров, – хоть какой-то прах...

Разговор с Вероникой почти рассеял ночной страх сойти с ума, и, положив трубку, Софья Ивановна смело отвела занавеску.

За окном никого не было, по крайней мере в синей ночной мгле просвечивали только ветки малины. Она выключила свет и еще раз выглянула...

Пусто! И никаких голосов!

И тут вспомнила, что голос Никиты ей почудился в тот миг, когда она подумала, что надо бы давно сменить фотографию на могиле. Шахтеров хоронили за государственный счет, потому какая карточка была в отделе кадров, такую и повесили, предварительно запаяв в стекло. Родственников не особенно-то спрашивали, год был тяжелый, мрачный для Кузбасса – девяносто первый. К тому же потерявшей сразу мужа и старшего сына Софье Ивановне было не до того: выплаченная шахтой компенсация в один месяц обесценилась, и тогда она бросила свою лабораторию на обогатительной фабрике и пошла торговать на рынок, причем чужим товаром. И хорошо, Коле не успели дать квартиру в городском каменном доме, остались жить в старом шахтном поселке, в деревяшке, при которой была усадьба в восемь соток, просторная пристройка-мастерская и сарайчик с кабанчиком.

Муж чувствовал лихие времена, и незадолго до взрыва на шахте уговорил ее завести поросенка, мол, выкормим картошкой да травой, хотя ни сам, ни тем более Софья, прежде, кроме кошки, никакой животины не держали.

Теперь же она так привыкла к своему хозяйству – чтоб непременно и поросенок, и куры, и кролики на дворе были, что, когда вспомнили о шахтерских вдовах и предложили переселиться в квартиру, не поехала. Дочь с сыном уговаривали, мол, сейчас-то тебе на что скотина? Пенсию хорошую платят, льготы всякие, на День шахтера дорогие подарки, уголь даром привозят, а она наоборот, подала заявку на бесплатную корову, полагающуюся ей от губернатора, как шахтерской вдове!

– Мам, не сходи с ума, – убеждал ее Глеб. – Молока в магазинах хоть залейся. А тебе придется сено косить или покупать, доить каждый день. Ты на себя и так рукой махнула! Посмотри, на глазах превращаешься в бабку старую!

Говорил это шуточно, со смешком и совсем не обидно.

В последние годы сын да и дочь, как-то не сговариваясь, озаботились ее одиночеством и даже норовили выдать замуж. Она-то догадывалась, отчего – чтоб самим пореже мотаться в Осинники, к матери, и чтоб поменьше доставала своими глупыми заботами и странными желаниями, например, получить дармовую корову. И потому в подарок привозили то набор для макияжа, то крема дорогие от морщин, духи, помаду и лак для ногтей, чтоб собой занималась. А Глеб однажды телевизор во всю стену привез и говорит, мол, вот тебе домашний кинотеатр, чтоб не скучно было.

– Я и маленький-то уже смотреть не могу, – воспротивилась Софья Ивановна. – Для звука включаю или для изображения. Вместе-то ведь ни смотреть, ни слушать нельзя.

– Почему это, мам?

– Да ведь из него кровь сочится. Из большого-то ручьем потечет. Забирай свой кинотеатр. Не нужен он мне!

Глеб тогда перепугался, залепетал про санаторий, дескать, в самый престижный устрой, где нервы в порядок приводят, и потом все больше дорогие наряды возил или слал, в которых и выйти-то некуда. И всякий раз деньги совал – разбогател, целую сеть автомагазинов открыл в Новокузнецке и Кемерово, в депутаты выбился.

А еще каких-то семь лет назад гол как сокол был!

Закончил он Горный факультет – мать пробила стипендию от шахты, куда и должен был вернуться молодым специалистом. Пока учился, только и разговоров было про работу, дважды на практику приезжал, уголь рубил, на проходке вентиляционного ствола исполнял обязанности мастера, и когда вернулся с дипломом, как потомственный горняк, сразу был назначен начальником участка. Однако поработал недолго, уволился и очутился в руководстве дочерней компании шахты, стал уголь японцам продавать. Года не прошло, свою фирму открыл и на какие-то шиши стал скупать пустующие помещения, открывать автосалоны и магазины.

К бизнесу он тяготел с юности и поначалу от бедности, которая обвалилась на семью после гибели отца и старшего брата. На огороде когда-то выходила бетонная труба шахтной вентиляции, вызывающая интерес мальчишек со всей улицы – все норовили спуститься в старые, заброшенные выработки. Коля кирпичом заложил, сверху землей завалил и грядки сделал. Так Глеб вздумал через нее пробраться в шахту, добывать уголь и продавать его соседям. Ведь до чего доходило: шахты встали, можно сказать, жили на угле, а друг у друга по ведру взаимы брали, чтоб печь истопить. Или собирали куски вдоль железной дороги да вокруг обогатительной фабрики. Глеб о трубе вспомнил, быстро сообразил, как заработать можно, раскопал грядки и уже до кладки добрался. Софья Ивановна едва уговорила отказаться от затеи.

В студенчестве же он на пару с другом проводил целые коммерческие операции. Однако, по представлению матери, таких огромных денег заработать никак не мог. Оказалось, нет, ничего у государства не воровал, а попросту покупал у шахт уголь, перепродавал его в Японию и в город Череповец, куда часто ездил в командировки. Все это походило на спекуляцию, за которую в прежние годы в тюрьму садили, но по-новому это называлось рынком. Софья Ивановна поначалу побаивалась, затем лишь недоуменно руками разводила и дивилась – как так? Угля не добывал, не лопатил его на обогатительной фабрике, в вагоны не грузил, да и вообще не видел и пыли черной не нюхал – сидел в офисе, подписывал и перекладывал бумажки. Оглянуться не успела, сынок чуть ли не олигарх, с охраной ездит, все с ним советуются и зовут уже Глеб Николаевич или вовсе президент компании господин Балащук: дети от Коли были записаны на его фамилию.

Софья Ивановна боялась, что добром это не кончится, ненадежная у него работа и положение хоть и высокое, но шаткое. Новую машину из Европы привез, во дворе своем поставил – сожгли, самого чуть не застрелили. Тогда он стал с охраной ездить, дом за городом приобрел в охраняемом поселке, кругом сигнализацию поставил, так автосалон у него спалили вместе с машинами.

Сам Глеб ничего не рассказывал, это уж Вероника потом матери передавала, что вокруг брата творится. Он же увлекся, не замечает, по какой жердочке ходит. Однажды уговорить его хотела бросить бизнес и стать, например, директором шахты – и образование позволяет, и опыт какой-никакой. Софье Ивановне по старинке все еще казалось, что директор шахты – положение солидное, люди уважают и власти много, если уж нравится командовать. А Глеб только рассмеялся и говорит, мол, знаешь, сколько у меня таких директоров в кулаке? Они же через меня уголь продают, потому в приемной в очереди сидят. Я им деньги на зарплату шахтерам в долг даю.

И, чтоб понятнее было, добавил, дескать рынок, это огромная лаборатория, где я начальник и руковожу всякими анализами, а директора – простые лаборанты.

Однажды жениха для матери на смотрины привозил, человека немного за шестьдесят, солидного, обходительного – бывшего работника горняцких профсоюзов, который теперь советником у Глеба подрабатывал. Но это уже потом выяснилось, что смотрины устраивал: знала бы, так сразу дала понять, что не нравятся ей такие мужчины. В результате этот жених потом полгода доставал Софью Ивановну поздними звонками и пустыми разговорами. И как оказалось, по расчету вздумал он жениться на матери шефа, породниться – уж очень хотелось сыновним бизнесом поруководить. Глеб как узнал, так сразу выгнал его, и тот вмиг звонить перестал.

Сынок хотел выдать ее замуж, а самому уже под тридцать, и ни разу не женился, только девок перебирает и никак не остановиться. Всякий раз приезжает с новой, знакомит, невестой называет – глядишь, опять с другой, так имена перестала запоминать. Вероника говорила, эти его невесты уже двоих внуков родили, и будто теперь Глеб тайно их содержит, но спросишь, в отказ идет и все валит на болтливость сестры. Правда, признался, есть у нее внук от одной особы, но единственный, да только женщина такая попалась, ни своих, ни чужих родителей не признает, и только деньги с него тянет, для чего и родила.

Они с Казанцевым, бывшем мужем Вероники, сначала друзьями были, но потом оказались конкурентами и рассорились в прах. Верона уж давно разошлась со своим благоверным, а все равно помириться с братом не могут, друг про друга такое иногда несут, хоть по губам шлепай. Раз только в одно время приехали, и то потому, что бумага от губернатора пришла, точное число назначили, когда корову приведут на двор, и Софья Ивановна взяла да похвасталась. Те и примчались оба, и давай в один голос увещевать – даже вроде бы примирились на этой почве.

Скоро они забыли девяносто первый год!

Софья Ивановна даже не спорила и отмалчивалась, думая, что парным молоком будет отпаивать летом единственную внучку, если богатый родитель позволит. Он Веронику к дочери не подпускал, но к бабушке каждое лето привозил сам и оставлял безбоязненно на месяц и более, правда, с охранником, который помогал по хозяйству...

И еще думала, что будь живы Коля с Никитой, то льготой бесплатно завести корову обязательно бы воспользовались. Помнится, Никите идея с поросенком так понравилась, что он не только принимал участие в уговорах матери – вызвался его обслуживать, при этом и вовсе не имея никакого опыта. Не в пример младшему Глебу, он вообще был основательным мужичком, хозяйственным, рукастым: забор вокруг усадьбы, поставленный им в одиночку, до сих пор стоит и ни один пролет не качнулся. А было ему всего-то двадцать два, только горный техникум закончил, отсрочку от армии получил и пошел в забой вместе с Колей, осваивать новый угольный комбайн...

Так до сих пор оба в глазах и стоят, и в памяти навсегда осталось, как они на смену собирались. Никита по обыкновению наскоро супу похлебал, чаю выпил, оделся и к порогу – не терпелось ему, все боялся на спуск опоздать. «Нива» у него уже разогретая стоит, тормозки собраны. Николай, напротив, как-то очень уж неторопливо и ел, и одевался, словно чуял и уходить из дома не хотел. Дважды тормозок проверил, положила ли мать луку, спросил, яйца вареные зачем-то бумагой еще раз обернул, дескать, чтоб не побить – никогда такого не делал, что Софья положит, то и ладно.

Стал портянки накручивать, так вспомнил:

– Никитка! А ведь сегодня нам всю робу заменят на новую! И засмеялся: – Говорят, исподнее из детской байки! Из которой пеленки и распашонки шьют. Как бы не уделать с испугу-то!

Почему так сказал? Вроде шутил, как всегда, грубовато, но с какого испуга?..

Уж оделся, обулся, но не уходит. Сел к печке, приоткрыл дверцу и закурил. Он перед сменой всегда накуривался, чтоб потом в забое не тянуло.

И вдруг ни с того ни с сего говорит, как раньше никогда не говорил:

– Вот каждый раз ухожу на работу и радуюсь. Есть какой-то захватывающий азарт в нашем деле – каждый день спускаться в недра земные. И схож он с азартом полета или с погружением в океанскую глубину. Всюду стихия неизведанная, самые таинственные миры, это воздух, вода и недра. И люди все время будут стремиться их одолеть. Может, мы на самом-то деле вышли на сушу не из водной стихии – из земной? Я вот все думаю: откуда взялся обычай хоронить в земле? У каких-то народов покойников зверям бросают, птицам, у каких-то сжигают и пепел в воду. Как в Индии, например. А у нас – обратно в землю... Или вот почему камень называется – порода? Может, он и породил человека? Ты как думаешь, Никитка?

Засмеялся, хлопнул его по плечу и в дверь подтолкнул.

– Ну, пора! Пошли, а то и правда опоздаем, и не достанется нам новой одежины.

Досталась им новая одежина – крепкая, деревянная...

Может, и раньше что-то подобное говорил, да особенно не прислушивалась в утренней суете. А эти его слова запомнились, поскольку оказались последними...

Так что не от одной своей души, сразу от трех выступала Софья Ивановна, думая завести корову, и одну общую волю исполняла...

Никита был ребенком студенческим, от первого брака: Софья вышла замуж на втором курсе химико-технологического факультета, за Володю Перегудова, с пятого. Его оставляли на кафедре, но в последний момент все переиграли, взяли ассистентом другого, подающего большие надежды, а молодожена, невзирая ни на что, послали по распределению в Донбасс. Думали, расстанутся лишь до конца учебного года – Софья намеревалась перевестись в донецкий институт, но после академического отпуска из-за родов взять ее отказались, пришлось восстанавливаться в кемеровский.

Они путем и сжиться не успели, свыкнуться с мыслью о браке и, оказавшись каждый сам по себе, продолжали существовать в одиночку, как до женитьбы. Правда, Софья теперь оказалась с увесистым «довеском» – Никитка рос богатырем и няньками были все девчонки с курса, так что руки были не особенно-то связаны. Впрочем, как и ноги: пока она бегала по танцам, парня передавали из комнаты в комнату, кормили по очереди, играли и забавлялись, словно с куклой, и, оставив его на попечение одного этажа общежития, найти можно было совсем на другом, причем даже у малознакомых девчонок.

Стыдно вспомнить...

Брак распался незаметно и настолько естественно, что они с Володей даже не корили друг друга, тем паче, ни разу так и не поссорились. Он женился на хохлушке, а Софья еще попытала счастья в Кемерово – да кому особенно нужна с довеском? – и вернулась в свои родные Осинники, под материнский кров. Так что Никита с младенчества привык к чужим людям, житью в общагах, во всякой компании мгновенно находил свое место, быстро встраивался в новые условия, однако при этом сначала тайно, потом и откровенно хотел если не дома, то своего угла. И это послужило причиной возвращения домой, в эту самую, тогда еще относительно новую деревяшку с усадьбой. Работать взяли на шахту, но партийное руководство присмотрелось к молодой и энергичной женщине да и решило определить на комсомольскую работу, секретарем комитета. А она тогда еще любила командовать, молодежь заводила и выросла за пару лет до секретаря горкома. И замуж бы могла выйти за ровню себе, да после отличника Володи Перегудова не нравились ей правильные и активные парни, подвох какой-то чуяла, уверенности не было.

Сыну исполнилось уже девять, когда Софья наконец-то вышла за простого горняка с «Распадской». И сразу ушла из горкома на производство, начальником лаборатории обогатительной фабрики. Коля хоть и был моложе на несколько лет, однако взматерел рано, выглядел

старше – скорее всего потому, что работа была суровая, тяжелая. Со смены всегда угрюмый приходил, но проспится, отдохнет и улыбается, словно ясное солнышко, да байки всякие рассказывает. Только ласковые слова редко говорил, и хоть обходился с Софьей бережно, и детей любил, но все так, словно последний скупердяй. Но удивительно, это как раз ей и нравилось, к тому же Никита сразу же потянулся к отчиму, и так привязался, что еще до рождения Глеба, их общего ребенка, стал роднее родного. Когда он приходил с ночной и поутру стучал в окошко – осторожно, подушечками пальцев, но они у него были такие грубые, что получалось достаточно громко, сын вскакивал иногда скорее матери и бежал отпирать.

Но, наученный, прежде спрашивал:

– Кто там?

А он обыкновенно отвечал:

– Сто грамм! Отпирай, пороть буду!

Это у него такие шутки были, грубые, в общем-то даже непонятные для ребенка, однако Никитка радовался, открывал дверь и вис у Коли на шее. У них сразу же появилось много общих секретов, о которых они шептались в укромном месте – в мастерской, пристроенной к дому.

За все время отчим его раз только выпорол, и то за дело...

Но бывало, сын так наиграется, что хоть кулаком стучи, не услышит...

Софья же встречала мужа, а поскольку шахтеры приходят домой всегда чистыми, отмытыми, если не считать вечно подведенных угольной пылью век, то сразу же сажала за стол и обязательно наливала ему эти сто граммов. Больше он обычно не пил с устатку – попросту не успевал, ибо начинал засыпать еще за столом. Тогда она отнимала ложку, брала под мышки и вела в кровать, укладывая на свое, уже нагретое место поближе к окошку...

Потом всякие комиссии из Москвы и горный надзор установили, что новый комбайн, который испытывал Никита, имел какие-то очень серьезные недостатки и не мог работать в шахтах, опасных по газу и пыли. Как уж они определили, неизвестно – Софья Ивановна сама видела гору железного, искореженного хлама, поднятого на гора и бывшего четыре дня в огне. Нетронутыми и узнаваемыми остались разве что режущие зубья, поскольку выполнены были из твердых сплавов и еще потому, что зубы ни огонь, ни даже время не берут: Коля говорил, они много раз натыкались на останки древних животных, так вот кости все уже сгнили в прах, а зубы целые...

И все это время в одном костре со стальным комбайном горел ее сын, благо что пожар все-таки потушили довольно быстро. Отчего пепел положили в гроб – от дерева, железа или транспортной ленты, до сей поры неизвестно...

Под утро Софья Ивановна все же утихомирила чувства и воспоминания, незаметно уснула с включенным телевизором, но, проснувшись уже после восхода, в тот же миг поняла, что сон и отдых не спасли – она сошла с ума...

Никита сидел у порога на кухонной табуретке – реальный, узнаваемый, и хотя на лицо вроде бы совсем не изменился, почти такой же, как на карточке, где они вдвоем с Вероникой. Только волосы вроде и не седые, но белые, подстрижены как-то неумело, лесенкой, на щеках и подбородке нет даже следов щетины, хотя он бриться начал в семнадцать лет. И глаза белевые, как у слепого: прежние синие зеницы словно выцвели и слились воедино с голубоватыми белками...

Можно было бы подумать, что он снится, однако у противоположной стены немо вещал телевизор – перед тем как заснуть, Софья Ивановна успела выключить только звук. Передавали короткие новости по российскому каналу, и внизу прыгали цифры, отбивающие точное время, – половина шестого. И видела это не только она, но и Никита, ибо косил на экран свой бесцветный взгляд и настороженно прислушивался.

Так во сне не бывает...

Но лишь во сне может присниться столь странная одежда на нем: балахон какой-то то ли из мешковины, то ли из стеклоткани, которой трубы оборачивают. Для головы и рук дырки прорезаны, подол до пят, на ногах вроде калоши или какие-то чоботы...

– Не узнаешь меня, мам? – Голос у него тоже вроде прежний, но придавленный, будто от жажды, и слова произносит как-то чудно, немного втягивая, как иностранец. Или у него горло болит...

– Узнаю, – вымолвила она. – Ты откуда, сынок?

– Не бойся, не с того света... Прости, ночью напугал тебя. Мы в мастерской подремали чуток...

– Как вошел-то? Двери на крючке...

– Полотном открыл.

– Каким полотном?

– От ножовки, по металлу. Оно так и лежит на месте, куда прятал...

Он и впрямь открывал так запор, чтоб не будить родителей, когда загуляет до глубокой ночи, – просунет пилку в щель и скинет крюк. В шахтерском поселке было принято закрываться рано и накрепко: молодежь озоровала, или хуже того, спецконтингент выходил на дело – попросту говоря, бывшие зеки...

– Ты что же, получается, живой? – осторожно спросила она.

– Не сомневайся, мам, живой.

– Как же так вышло-то? Ты же вместе с батей был на смене...

– Был...

– И на одном участке...

– Ну да...

– Все погибли, а ты живой... Так же не бывает!

– Бывает, мам. – Он что-то не договаривал и с ребячьей упрямой и неприкрытой хитростью пытался вывернуться. – Мы отошли на минуту, тормозок съезть... В общем, спаслись вдвоем, с Витей Крутовым. Нам просто повезло...

Софья Ивановна про аварию знала исключительно все. На шахте тогда произошел объемный взрыв и последующий пожар. Это когда газ вперемешку с угольной пылью сначала накапливается в выработках, а потом от любой искры взрывается одновременно все пространство. Ученые на этой основе даже такую бомбу сделали, вакуумную. Если попал в облако газа, уцелеть невозможно, где бы ты ни находился. Коля был в двухстах метрах от комбайна, в транспортном штреке, и все равно накрыло.

С виду целый, ни одна кость не переломлена, но из ушей кровь и глаза вытекли...

Вообще-то Никита лгал матери часто, причем с детства по мелочам и наивной юности, а старше стал, так и вовсе такие хитрости иногда плел, что не сразу и распутаешь. Она чувствовала или угадывала вранье, но многое прощала сыну, поскольку выдумщик был, фантазер: может, оттого, что с ранних лет воспитывался среди лукавых и лицемерных девчонок и еще начитался фантастических книжек, которые ему, уже отроку, подсовывали в общагах, чтобы не приставал с разными вопросами. Когда в ее жизни появился Коля, так еще более добавил страсти ко всяким измышлениям, поскольку были и небылицы Никите рассказывал, да байки, услышанные от шахтеров. Мол, бродят по местным лесам и горам некие существа, на людей похожие, их еще принимают за снежного человека. Бывало, пойдешь в лес – то там, то здесь мелькнет, и все шерстью обросшие, дубины в руках носят, а то видели с луками и стрелами. Но старики бывалые, мол, говорят, это вовсе не снежные люди, а разбойники сюда некогда забредшие и путь утратившие.

И так заразил парня рассказами, что стали они напару ездить сначала по лесам, этих снежных людей высматривать, потом по заброшенным выработкам в горах, искать чудеса вся-

кие – древние ямы с ходами, которые зовутся чудскими копиями. Сговорятся тайно, записку напишут и в выходные улизнут куда-то, а куда, ни за что не скажут, и потом от Софьи таятся, перемигиваются и загадочно улыбаются.

Несмотря на суровость, сам Коля тоже как мальчишка был и поболее, чем Никита, увлекался всяческими легендами. Иногда придет со смены усталый и молчит, однако наутро проснется раньше ее, лежит, улыбается и курит, дым пуская в потолок. И до того ему станет невтерпеж, что разбудит и давай байки жене пересказывать. То страшные, то веселые или очень грустные.

В общем, было у Никиты кому подражать. Однако при этом Коля иного обмана ему не прощал и даже однажды в сердцах выпорол, когда старший сын вместо школы стал ходить на старую водокачку, где шпана на деньги в карты играла, и приворовывать из карманов отчима мелочь. Но это уже не помогло, характер сложился и со взрослостью ложь стала искуснее.

Сейчас он откровенно сочинял и отводил свой белесый взгляд к телевизору...

– Я думал, обрадуешься, – добавил он разочарованно. – А ты мне даже не веришь...

Софья Ивановна чувствовала: пока есть в ней внутреннее сопротивление, оставалась надежда, что видение исчезнет. И если сейчас разоблачить ложь, уличить этот призрак Никиты, припереть к стенке, наваждение пропадет само собой...

– А как же ты потом из шахты поднялся? – подозрительно спросила она.

– Да ведь, мам, неразбериха началась, людей выводили, – цедил нараспев слова. – Со всех участков побежали... И мы с Витькой.

– Что же вас обоих никто не видел?

– Мам, мы же там все черные, чумазые. И в масках самоспасателей... Все на одно лицо.

В клеть по сорок человек набивалось, штабелем...

– Ну а потом-то куда делись?

– Убежали...

– Как дезертиры, что ли?

Это слово ему не понравилось, в белесых глазах что-то блеснуло, вроде как слеза обиды, однако стерпел.

– Взрыв произошел по моей вине, мам...

– Кто же тебе это сказал?

– Сам знаю, – тупо проговорил он, и это значило – врет, выворачивается.

– Закурил, что ли?

– С Витькой закурили, одну на двоих. Когда поешь, всегда курить хочется...

– Ты же никогда не курил!

– Только начинал... Чтoб быть взрослее.

– Почему тогда твой самоспасатель нашли возле комбайна? – тоном прокурора спросила Софья Ивановна.

Крыть ему было нечем.

– Может, и не мой, – буркнул он.

– Номерок сохранился, твой.

Казалось, она сейчас мигнет, и он исчезнет. Но Никита не исчез и не стал призрачнее; напротив, пошевелился, угнездился на табурете, согнувшись и подперев голову тыльными сторонами ладоней, отчего плоть его проявилась ярче в виде мускулистых, могучих рук.

– Ладно, – подытожила Софья Ивановна. – Послушаю дальше. И где же ты жил все это время?

– Под Таштаголом, – не сразу вымолвил он.

– И Витя с тобой?

– Со мной, а где еще ему жить?

– Значит, прячетесь?

Для него такой поворот в разговоре был неприятным, болезненным.

– Не прячемся... Живем да и все.

– Под чужими фамилиями?

– Зачем?.. Под своими. Нас же никто не искал...

– Ну и как же ты жил? Семья у тебя есть?

– Есть, – оживился Никита. – Жена и сын, четырнадцать исполнилось...

Впервые что-то теплое ворохнулось в груди и на миг показалось, перед ней не призрак, не плод ее воображения – настоящий, живой Никита.

Однако она тотчас погасила эту вспышку.

– Где же они? – спросила насмешливо, чтоб не поддаваться искушению. – Привел бы, показал...

И была сражена ответом.

– В сенях сидят, мам, ждут. Мы всей семьей к тебе пришли...

Стоило в это поверить, и рухнет последняя надежда спасти рассудок...

Софья Ивановна села на постели, свесив босые ноги, встряхнулась.

– Что же это, боже мой...

Никита не пропал, распрямил спину и, кажется, впервые моргнул. До этого не замечала, глядел, как филин...

– Позвать? – как-то опасливо спросил он. – Только ты не удивляйся. Жена у меня... В общем, не наша, не русская.

– Шорка, что ли? В Таштаголе ведь шорцев много...

– Ага, мам, шорка, – согласился с готовностью. – Я позову?..

– погоди! – она растерялась, чувствуя, как вновь закачались стены, и ухватилась за то, что бросилось в глаза. – А одежда?.. Это что за балахон на тебе?

– Нас обокрали, мам, – соврал он смущенно. – По дороге, ушкуйники какие-то напали...

– Раздели и разули?

– Ну да! Ограбили. Мы же пешими добирались, ночами шли, по железной дороге... Нам бы переодеться во что-нибудь.

– Всех ограбили?

– Голыми оставили. На полустанке проводница списанные кипы дала.

– Какие кипы?

– В которых они постельное белье получают на складе. Дырки прорезали и надели...

Последние крепости в ее душе не выдержали напора и с треском обрушились, словно подорванная лава. Кровля и подошва почти сомкнулись, оставив узкую, почти непроглядную щель, сквозь которую едва пробивался призрачный свет разума, но уже в виде отражения в зеркале мутной, темной воды...

– Ну зови, – обреченно согласилась она. – Теперь уж все равно...

И, сидя на постели, стала навязчиво, нервно и как-то по-ребячьи болтать ногами.

Никита встал и на минуту пропал в коридоре.

– Вот, оказывается, как сходят с ума, – вслух проговорила Софья Ивановна. – Может, Вероне позвонить? Или Глеба вызвать?..

Мысль эта так и не успела дозреть, поскольку в дверном проеме, ведомая Никитой за руку, появилась женщина. И хоть смуглая лицом, но на шорку вовсе не похожа: лицо длинное, узкое, с нежными очертаниями, волосы ниже плеч, но жидковатые и молочно-белые, а глаза большие и уж точно незрячие – одни белки с крохотной, блестящей точкой посередине. Однако паренек, пугливо взирающий из-за ее плеча, хоть обликом и походил на мать, но кожа на лице у него розовая, как у альбиносов, и глаза вполне нормальные, голубые, разве что с искрой испуга, смешанного с любопытством.

– Это моя семья, мама, – удовлетворенно сказал Никита. – Жена... Тея зовут. И сын Радан. Ну, или, по-нашему, Родя...

– Чудные имена, – откровенно разглядывая подростка, проговорила Софья Ивановна. – А жена у тебя что же?.. Слепая?

– Слепая, мам...

– Должно быть, и немая? Что же она молчит? Хоть бы поздоровалась...

Никита и тут нашелся:

– По их обычаю, мам, старшая должна первой здороваться. А младшей женщине в ее присутствии молчать следует.

– Так ты теперь по обычаям жены живешь? – ревниво укорила его Софья Ивановна.

– Живу, мам... Да и обычаи у них не хуже наших.

– Да ведь не похожа твоя Тея на шорку-то, – она поболтала ногами. – Будто я шорок не видела...

– Они, мам, разные бывают, – уклонился Никита. – Белые в горах живут, под Таштаголом...

– Твоя-то что, с юга приехала?

– Почему ты так решила, мам?

– Больно загорелая. И волосы на солнце выгорели.

– Это не от солнца. Ей, наоборот, вредно излучение. У нее сразу базедова болезнь начинается. Ну это – щитовидка...

– Внук-то что молчит? Тоже мне здороваться первой? Или не научен?

В голосе воскресшего сына послышалась гордость:

– Он всему научен и смысленый! Только робеет...

– В школе еще учится?

Никита замялся:

– У нас там школы нету... Где мы живем. Ближняя так километров за полста будет.

– Интернаты есть!

– В интернате испортят парня. Да и не принято у нас детей в чужие руки отдавать.

– Что же он, необразованный совсем?

– Как сказать... Сам его учил, как мог. Да он сейчас больше меня знает. Документа только нет, свидетельства.

Парень обвыкся и, слегка осмелев, в свою очередь теперь с интересом разглядывал бабушку. А она, глядя на внука, вдруг с пронзительной ясностью уразумела наконец, что все это не блазнится, не чудится, и сам Никита вместе с семьей – реально существующие люди. Только очень уж непривычные, и все, что услышала в это утро, – невероятно, даже дико для сознания, однако вполне могло случиться.

Новоявленный внук по-любому не кажется призраком...

– Ну-ка, подойди ко мне, Родя, – позвала Софья Ивановна.

Он выступил из-за спины матери, сделал пару шагов вперед и неуверенно остановился, путаясь в полах длинного балахона и косясь на отца.

– Ближе подойди, – велел тот. – И поздоровайся, как учил.

– Здравствуй, бабушка, – нараспев произнес внук и сделал еще два шага. – Да просветлятся очи твои.

– Какой ты чудной и белый, – радостно произнесла Софья Ивановна, испытывая желание приласкать его, однако не посмела.

– Мы тебе подарки несли, – с сожалением признался Никита. – Грабители все отняли...

Однако его слепая жена Тея все-таки что-то видела и к их разговору прислушивалась, потому как вскинула тонкие свои руки, выпутала откуда-то из-под белых косм желтую гребенку и, приблизившись к свекровке, точным движением заколола ей волосы.

– Это тебе, мам, – добавил Никита. – От невестки. Все, что осталось... Ты ее носи всегда, мам, как куда из дому выходишь. Ни одна болезнь не пристанет. И недобрый глаз отведет.

Боязливой рукой Софья Ивановна сдернула гребенку, да чуть не выронила: на вид вроде бы пластмассовая, крашенная, но увесистая. И формы не обычной, с чеканенным узором по ободку – эдакий витый венок из каких-то цветов...

– Спасибо, – произнесла запоздало. – От сглазу помогает?

– Да говорят, – почему-то уклонился он.

Взявши гребенку, предмет вполне осязаемый, она еще более утвердилась, что перед ней и правда настоящие люди.

– Что же вы стоите-то? – спохватилась. – Присаживайтесь... Никитка, подай жене стул.

– Некогда нам гостить у тебя, мам, – заспешил тот. – Солнце встает, обратно нам пора.

И так уж припоздали сильно...

– Вы что же, не останетесь? – обескуражилась она. – Заглянули и уйдете?

– Мам, тебе мы Радана оставить хотели, – вдруг заявил Никита. – С тем и пришли... То есть Родю.

– На лето?

– Да насовсем хотели...

– Это как – насовсем? Бросаете, что ли?

– Нужда заставляет, мама, – заговорил он виновато. – У нас там под Таштаголом... В общем, плохо ему, ослепнуть может. Да и учиться ему надо, диплом получить...

– Да что у вас там? Климат ему плохой? Условия?

– Нам ничего, а Родю не годится... Оставь у себя, мам. Твой внук же... Или против?

– Я-то бы не против, – растерялась она. – Да неожиданно как-то...

А сама подумала – вот уж теперь неоспоримая причина взять дармовую корову! Родю, видно, паренек болезненный, анемичный, ему парное молоко как раз на пользу и будет...

– Возьми Родю, мам. Он тебе по хозяйству помогать будет.

– Ладно уж, оставляйте. Только воспитывать буду, как знаю.

– Мы не против. Он парень послушный, скоро привыкнет.

– Ты-то сам согласен? – спросила Софья Ивановна и потрепала внука по тоненьким, молочным волосенкам.

– Документы бы ему надо выправить, – стал напирать Никита. – На нашу фамилию. И в школу отдать, чтоб свидетельство получил. Дальше он сам пойдет. Ему на горного инженера надо выучиться, как Глебу.

– Метрики оставишь, так выправлю, – ей вдруг стало нравиться столь нежданное обретение не только сына, но более внука. – Нынче паспорта с четырнадцати выдают, как раз.

– Нету метриков, мам...

– Как – нету? Украл?

– Украл, – обрадованно соврал он. – Ушкуйники все отобрали!

– А справку в милиции взял? Что был ограблен, заявил?

– Не ходили мы заявлять...

– Как так?!

– Нельзя милиции показываться, – нехотя признался Никита. – И так по пути люди видели, проводница на полустанке...

Только сейчас она сообразила, догадалась.

– Ты что же, скрываешься от властей?

– Скрываюсь...

Софья Ивановна руками всплеснула:

– Вот какой глупый! Да нет твоей вины! А ты семнадцать лет прячешься?..

– Есть, мам, – уверенно заявил он. – Я живой, а батя погиб. В том и вина. Ты дай нам одежду, переоденемся и уйдем. Поздно, солнце встает, у Теи опять обострение зоба начнется... Мне батино подойдет, жене что-нибудь женское. Свое или Веронки...

– Дам, конечно, – проговорила она ревниво. – Вот какой стал... Прибежал, сына пихнул и бежать. Даже про брата не спросил, про сестру, про батю своего...

Николая он звал не папой, а более сурово, по-шахтерски – батей...

– Я и так все знаю...

– Что ты знаешь?

– Мир их не берет, клеветают друг на друга. И все из-за денег проклятых, из-за имущества... Но они скоро помириятся, мам, не переживай. И двух недель не пройдет, как душа в душу станут жить...

– Это ты откуда знаешь? – насторожилась Софья Ивановна.

– Мам, торопимся мы!

Тут Тея шагнула к окошку, глянула незрячим взором и обронила единственное и какое-то певучее слово, внезапно приведшее Никиту в уныние.

– Ну вот, опоздали, солнце разгорелось... Придется теперь ночи ждать.

– И добро, погостите! – вдохновилась Софья Ивановна. – Угощу хоть, тесто поставлю, пирогов напеку... А ты мне мало-помалу все и расскажешь. Как все было, по правде.

– Да я и так все сказал, – вроде бы даже недовольно и с вызовом произнес он. – Что еще-то хочешь услышать-то, мам?

– Правду! – отрезала она. – И глядя мне в глаза! Соврешь – увижу.

– Если не скажу?

– Тогда ты мне не сын, а паренечек этот – не внук.

– Кто же мы тебе?..

– Самозванцы! Отец погиб, а он, видите ли, спасся! И пришел, документов нет, метриков нет, прячется от людей...

– Как бы тебе рассказать-то? – серьезно озаботился Никита. – А ты поверишь, если глядя глаза в глаза?

– Поверю!

– Ну, мы и правда живем под Таштаголом... И по дороге нас ограбили ушкуйники...

– Ты не про то говоришь!

– Ладно, мам, слушай. – В его глазах зеницы обозначились ярче, словно он входил в полумрак. – То, что прежде сказал тебе, это для людей. Отвечать так будешь, если спросят, откуда Радан, то есть внук Родион. Глебу так скажи, и особенно перед Веронкой не открывайся. А то проболтаются...

– Не учи меня, как людям отвечать! – перебила она. – Сама знаю. По делу говори, как в аварии уцелел? – Чудом, мам. Ты в чудеса веришь?

Она собрала волосы на затылке, скрепила их подаренным гребнем, после чего пощупала костлявое плечо внука и вздохнула облегченно:

– Теперь верю...

3

Помещение под новый супермаркет Глеб присмотрел давно: здание на Пионерском проспекте, на бойком месте, известное более как Дом геологов, и целый первый этаж сталинского дома, где потолки четыре метра, окна огромные, хоть сейчас витрины устраивай, и площади под тысячу квадратов, с подвальными помещениями, которые легко переоборудовать в складские. Размещался там геологический музей, который переселить особого труда не составляло, поскольку был он ведомственный и ведомство по нынешней бедности своей достаточно им тяготилось. Однако выяснилось, что на него уже положил глаз бывший муж Вероники, Казанцев, и стоило лишь сделать первое движение в городской администрации, а потом и в ведомстве, как свояк прислал своих пацанов со строгим предупреждением. В общем, сцепились они, словно два бойцовских пса, и после нескольких месяцев схватки соперник неожиданно сдался, выторговав себе в качестве отступного аренду небольшого куса земли недалеко от Кузнецкой крепости, где намеревался построить одноименный ресторан для элитарной публики.

На борьбу со свояком было изрядно потрачено сил и денег, поэтому Глеб не заметил никакого подвоха и готов был отметить победу в кабаке на горе Зеленой, когда ему сообщили, что решение о переселении музея отложено на неопределенный срок. Он кинулся в городскую администрацию, потом в ведомство, но там и там без всяких намеков посоветовали идти на разговор с главным и единственным хранителем музея. Дескать, человек это уважаемый, авторитетный, и если он согласится добровольно, без скандала, переехать в другое здание, уже подобранное в новостройках, вопрос легко решается без области, и даже без городской администрации, старым купеческим способом.

Что уж такого в хранителе было, коль все полагались на его волю, Глеб не знал и знать не мог, поскольку музей никогда не посещал и, соответственно, с музейщиком знаком не был. Однако там и там намекали, что человек этот, семидесяти пяти лет от роду, невероятно тяжел, несговорчив и самодур такой, что на кривой кобыле не подъедешь. В тот же час наведенные справки показали, что Юрий Васильевич не так страшен, как его малюют: давно списанный со всех счетов кандидат геолого-минералогических наук, в общем-то, кроме своей старухи никому не нужный, живет в хрущевке практически на пенсию, ибо работа его оплачивается по мизеру, а он еще зарплату тратит на музей. К тому же больной, требуется лечение опорно-двигательного аппарата, внутренних органов и вообще чуть ли не на ладан дышит: ровно сорок полевых сезонов, как в песне поется – холод, дождь, мошकारа, жара, – не такой уж пустяк. Взматеревшие сыновья и дочь где-то мотаются по экспедициям, зарабатывают уже не на детей – на внуков, и до старика им вроде бы и дела нет.

И сразу стало ясно, отчего сдался свояк, человек, пришедший в бизнес раньше других, причем из спорта, и кроме как боксерской, никакой другой психологии более не понимающий. Наверняка сразу хотел купить дедушку или хуже того, пригрозил своими пацанами и получил каким-нибудь минералом по морде. А если ведомство будто бы не хочет связываться с ветераном, значит, определенно блефует и ведет свою игру, поэтому Глеб призвал специального помощника, дипломатичного контрразведчика-пенсионера Лешукова и отправил в разведку. Условия сдачи помещения музея продиктовал по минимуму: он, Балащук, делает солидный откат руководству и выкупает музей вместе с камнями и хранителем – это щадящий вариант. В случае решительного отказа позволил вдвое увеличить суммы вознаграждения, оплату аренды нового помещения для камней и плюс подарок – пожизненные контрамарки на скоростную горнолыжную трассу горной гряды Мустаг, на которой Глеб строил свой второй подъемник.

Опытный переговорщик-чекист вернулся слишком скоро и с вытаращенными глазами.

– Полный отлуп, Глеб Николаевич! – доложил без всякой дипломатии. – Все кивают на хранителя! Прикажите, пойду к нему. Только с чем? Информации, которую можно реализовать, – ноль.

Идти к старику было еще рано, и Балащук заслал Лешукова к старухе в однокомнатную хрущевку. Тот прикинулся журналистом и уже наутро докладывал, что семья геолога-ветерана живет скудно, до сих пор алюминиевые ложки и вилки, однако более всего стариков заботит судьба дочери, которая после расформирования геолого-поисковой партии осталась жить в поселке на Салаире, в каком-то бараке, вместе с мужем, безработным буровиком, двумя взрослыми детьми и тремя внуками, один из которых болеет астматическим удушьем. Но самое главное, сострадательная бабушка-геологиня взяла в банке кредит, чтоб помочь своей дочери с больным ребенком переселиться «на материк», и теперь ее достают судебные приставы.

– Как поступить в этом случае, вы догадываетесь, – заключил Глеб. – Надо помогать больным детям, страждущим матерям и старым бабушкам.

– Может, выждем некоторое время? – предложил контрразведчик. – Старик плох, жалуется на здоровье... А расходы предстоят значительные.

– Не надо жадობиться, – просто и грубо сказал Балащук. – Он еще лет пять будет жаловаться. А то и больше проскрипит...

Спустя двое суток после того, как Лешуков вернулся с Салаира, где погасил кредит и объяснил дочери хранителя, какие дальнейшие шаги следует предпринять, неподступный страж музея позвонил сам и попросил встречи, причем на его территории. Старость следовало уважать, да и Балащук уже не терпелось взглянуть, что же изнутри представляют собой бастионы, кои с таким упорством защищал старик.

Принимать капитуляцию он поехал в сопровождении единственного водителя-охранника, парня надежного и верного, но и того оставил на улице. Парадный вход со стороны проспекта оказался запертым изнутри, и на стук почему-то никто не отвечал. В качестве рекламы, заманивающей посетителей, возле стеклянной двери стояла неровная, с рваными краями, зелено-бурая и невзрачная плита какого-то минерала. И, только случайно глянув на табличку, Глеб даже на мгновение отпрянул: это оказался самородок меди, причем весом более трех тонн, но, самое главное, добыт он был в горе Кайбынь! В той самой, где он когда-то искал золото...

Толчок неясного пока, тревожного предчувствия на мгновение поколебал его решимость. Сразу вспомнился сон о собственной смерти, чудская девчонка с забытым именем. Однако Глеб лишь печально улыбнулся и пошел искать черный ход, который, судя по докладу начальника службы, безопасности, выводил во двор здания.

Дверь там оказалась железной и приоткрытой – должно быть, проветривали помещение. Он вошел как обычный посетитель и оказался в тесноватом мире горных пород и минералов, выставленных в стеклянных шкафах или открытых стеллажах. И сразу же отметил, что перестройка помещения предстоит минимальная. Первый этаж здания, выстроенный еще при Сталине специально под минералогический музей, словно планировался под супермаркет – анфилада огромных светлых залов, и никаких тебе клетушек, перегородок, лишних несущих стен, которые бы мешали и подлежали сносу, а значит, и дорогих согласований с архитектурой. Перевезти всю эту каменоломню вместе со стеллажами, выгрести мусор, после чего хороший косметический ремонт изнутри, по фасаду, и через три-четыре месяца можно завозить товары...

Озирая пространство и образцы на полках, Глеб прогулялся по первому залу, перешел во второй, однако не обнаружил ни единой живой души. Кругом пыльно, убого, ремонта не было лет тридцать, а окна не мыли половину этого срока, и ни услуги, ни посетителей. Это форменное безобразие – держать такое помещение под музеем, который никому не нужен!

Возможно, зимой тут и появляются экскурсии школьников, студентов и зевак, но все остальное время этот храм пород и минералов без прихожан.

Готовясь к изъятию этого помещения, Балащук заказал две статьи в разные издания. Писал их один человек, но под разными псевдонимами, и с задачей справился, обобщив информацию: в городе было десятки тысяч драгоценных квадратных метров вот таких пыльных, засиженных мухами пустующих площадей, которые использовались несколько суток в году или вовсе простаивали без дела. Какие-то выставки, музеи, полусамодельные театры, никому не нужные школы повышения квалификации с просторными аудиториями, и все это чаще висло на городской казне, озаменованное неким табу, осиянное неприкосновенностью культурных и учебных учреждений. Тем временем ловкие управляющие подобной недвижимостью тайно и под самыми разными предложениями сдавали ее в наем и получали черный нал. Одно время Глеб сам арендовал шесть комнат в клубе юннатов, и в течение года не увидел там ни одного юноши моложе пенсионного возраста.

Только в третьем зале он услышал шаркающие шаги и потом узрел настоятеля – невысокого, сутулого старика. Скорее всего, он страдал ревматизмом суставов, отчего искривились короткие ноги, а позвоночник, загнутый рюкзаком лет сорок назад, более уже не распрямлялся. Однако плечи у него все еще были широкие и руки могучие, ухватистые, хотя и скрюченные, словно от холода, а взгляд из-под мохнатых, старческих бровей пристальный, волчий и одновременно насмешливый.

Короче, не прост был старичок, и отправить его в нокаут прямым ударом, что пытался сделать свояк, было невозможно. Но Глеб представил, как вся родня этого ветерана – голодная, орущая, требующая стая, враз навалилась на него и согнула, смяла, повергла, ибо против нее уже никак не устоять; представил и даже стало жаль старика.

– Юрий Васильевич, а вы проведете экскурсию? – искренне попросил он. – Индивидуальную. Я ведь тоже некоторым образом причастен к горному делу.

– Знаю. – Голос у хранителя был вечно простуженным, сирым, как у зека. – Тоже справки навел... Чего не провести? Проведу, пошли.

– Я заплачу, отдельно.

– Конечно заплатишь, – пробурчал он, не оборачиваясь. – У меня все расплачиваются. Только кто чем может.

Приковылял к стенду на стене, оборудованному, пожалуй, в конце позапрошлого, девятнадцатого века, – это когда в карту врезают обыкновенные цветные лампочки и демонстрируют информацию, поочередно их включая.

Выключатели у него были обновленными, сталинского, эбонитового образца, и срабатывали после третьего, четвертого щелчка. О месторождениях на территории Кемеровской области хранитель рассказывал с каменно-бесстрастным лицом, и в этом виделось глубокое, внутреннее сопротивление.

Через четверть часа Глеб не выдержал.

– А где у нас золото? – чтобы оживить мрачноватое повествование, весело спросил он. – Простите за расхожее любопытство...

– Под ногами, – мимоходом пробросил старикан.

И почему-то тыкнул указкой в фотографию, где мужики затаривали в мешки самородный, готовый к применению тальк, который просто копали лопатами в карьере.

– Или вот еще! – указал на витые камни. – Колония девонских кораллов. Возраст – четыреста миллионов лет! Люди ходили и запинаясь...

Потом он все-таки показал на карте, и нечто желтое под стеклом, более похожее на окисленную, невзрачную медь. И спросил с явной издевкой:

– Ты самородное-то видел когда-нибудь? Оно ведь не блестит.

– Видел, – признался Глеб. – Жилы толщиной в палец.

– Ладно, не брешы...
– Хотите, скажу где?
– Не хочу, – буркнул старик.
– Верно, самородное не блестит. Оно разгорается только от слепых человеческих глаз.
– Это ты от кого услышал? – впервые после долгой и хитрой паузы заинтересовался хранитель.

– Воспоминания отрочества, – уклонился он. – Однажды искал золото. И вместо него нарубил пирита в заброшенной штольне...

– Вот это похоже на правду...

– Да, всегда трудно расставаться с иллюзиями...

– Трудно, – просипел хранитель. – Надеюсь, ты это понимаешь сейчас лучше всех.

– И я вас понимаю, Юрий Васильевич. Иначе бы не приехал...

– Но переживешь ли?

– Что?

– Расставание с иллюзиями. – Голос был навечно простужен и потому бесстрастен. – Золото, оно всегда обманчиво. Старые люди так его и называют – разь. Говорят, потому что разит наповал, как солнечный удар. Человек чумной делается... Пойдем, уголек покажу, который твой батя добывал. И за него голову сложил, как на фронте.

Он и правда навел справки: в свете новых и нередких современных аварий та старая давно была забыта...

– Между прочим, и мой брат, Никита, – заметил Глеб. – В одной смене были...

– Никита? – со странной, зековской ухмылкой переспросил старикан. – Это как сказать...

Балашук насторожился:

– Не понял...

– Что ты не понял? Чем дед бабку донял?

– Шутки не понял.

– Какие уж тут шутки, когда хрен в желудке. – Он включил подсветку стеллажа, где лежали куски угля, и стал греть скрюченные, с утолщенными суставами, руки над лампочкой. Мерз, что ли, в жаркий летний вечер?..

– Вы оригинальный человек, Юрий Васильевич, – недобро заметил Глеб. – Чувствуется опыт...

– Ничего тебе еще не чувствуется, – сипло выдавил он и совсем уж неприятно, по-зековски, с холодными глазами, рассмеялся: – Где у тебя сегодня пир назначен? На горе Зеленой?

Кажется, он знал слишком много: о том, где Балашук собирался сегодня поужинать – и не по случаю победы над этим стариком, а над своим конкурентом-свояком, было известно узкому кругу приближенных лиц. У Казанцева тоже был бизнес на Зеленой и, разумеется, свои люди, которые немедля ему доложат, что Глеб заказал ужин, а значит, вечером поднимется на гору.

И это будет ему сигналом, кто сегодня наверху...

– Ну, допустим, на Зеленой, – настороженно и потому жестко произнес он. – И что?

– Да ничего, – просто пробубнил старик. – Тянет тебя Мустаг?

Это его любопытство, а более точно угадывание чувств, вызывало смутное беспокойство.

Еще пару лет назад Глеб и не собирался заниматься горнолыжным бизнесом, который был уже плотно обложен и обсижен крупными компаниями. Кататься с горок он не любил и конкуренция со свояком тут была ни при чем. Просто как-то раз приехал летом, поднялся на Зеленую, посмотрел вокруг – и дух захватило.

А Лешуков, как ангел, шепчет на ухо:

– Почему нашей компании здесь нет, Глеб Николаевич? Казанцев третью трассу расчищает, пятую гостиницу строит. Все свои грязные бабки отмыл...

Балашук кое-как втиснулся в новое дело, построил небольшую гостиницу в поселке Шерегеш, у подошвы горы, потом поставил первый парокресельный подъемник. Сейчас в строительстве новой слаломной трассы на Зеленой, которая входила в горную гряду Мустага, он вкладывал огромные средства, а сам смотрел еще выше, и появлялось чувство, будто зря сейчас тратит деньги. Главная вершина – гора Курган, притягивала взор и, вопреки голосу разума пробуждала дерзкие мысли. Он знал, что в одиночку не осилить такой проект, освоить западный склон мечтали многие, в том числе и Казанцев, но там были поля тяжелых курумников, останцы, развалы глыб, о которые можно сломать не только лыжи, но и зубы. И все равно Мустага странным образом зачаровывал, манил и туманил его практичный рассудок.

На Кургане поставили пока что только крест из нержавеющей стали, верно чтоб отгонять нечистую силу...

Хранитель ответа не дождался, ехидно усмехнулся.

– Победы и надо праздновать на Олимпе, – заключил он. – На горе оно к богу ближе, и девки сговорчивей...

Глеб вдруг понял, что происходит сейчас у старика на душе, и эта его многозначительная задиристость – не что иное, как боль, конвульсии привыкшего побеждать, но сейчас уже поверженного бойца. Вероятно, ветеран всегда так тяжело проигрывал, и даже положенный на лопатки, придавленный коленом к земле, распятый и растерзанный, чувствуя нож у горла, как в мальчишеской драке, он все еще норовил если не укунить напоследок, то хотя бы плюнуть...

И это сейчас ничего, кроме снисходительной улыбки, не вызвало...

– А знаешь, отчего гора Зеленой называется? – спросил старик.

– Наверное, потому что не синяя...

– Нет, – опять неприятно захихикал он и закашлялся. – Там в былые времена колдуны и кудесники зелье варили. Траву какую-то собирали и варили. Только на этой горе и растет. Говорят, человек попьет и чудной делается... Смотри, не пей много зелья!

– Спасибо за совет, – сдержанно проговорил Глеб. – И за экскурсию в мир минералов.

– Советы даром даю, – тоном скряги сказал старик. – А за экскурсию ты мне заплатишь. Индивидуальные у меня очень дорогие. Не знаю, хватит ли денег. Боюсь, без штанов останешься...

– Когда людей присылать? – Глеб достал бумажник.

– Каких людей?

– Юристов, нотариуса...

– А хоть сейчас, – легко согласился он, с помощью левой руки сложил из правой фигу и сунул под самый нос. – Вот вам всем! Накося выкуси! И знай, мы своих крепостей без боя не сдаем. Пока я жив, ни один камень здесь не будет сдвинут с места! А я еще долго буду жив!

И захохотал глухо, сипло, с легочным присвистом, как филин. А эхо под высокими потолками откликнулось совсем уж гнусно, так что Балашука передернуло от внутреннего омерзения.

– Будем считать, договорились, – однако же без всяких чувств произнес он. – Желаю вам здоровья и долголетия.

Повернулся и пошел сквозь анфиладу залов, подстегиваемый этим птичьим смехом, и когда оказался в прихожей, услышал догоняющий и какой-то липучий голос:

– Штаны береги, парень! А то будешь задницей сверкать на своем Олимпе!

Глеб рано остался без отца, рано спутался с осинниковской шпаной, которая ходила поселок на поселок, и умел держать удар. Возле черного выхода он не спеша достал деньги, положил на видное место среди камней и вышел из здания. Охранник что-то почуял и крутился возле дверей.

– Все в порядке, Глеб Николаевич?

– Порядок, Шура, едем, – обронил он на ходу.

И только в машине выпустил спертый, разгоряченный и какой-то кислый воздух из легких, после чего задышал часто, словно вынырнул из пучины.

Пока ехали по тугим от транспорта улицам, он не ощущал ни желания отомстить или как-то наказать старика, ни тем более бороться с ним. Как-то непроизвольно, стихийно и неосознанно претила и вызывала отвращение всякая мысль, связанная с любым продолжением этой истории. И он уже был готов вообще отказаться от каких-либо действий относительно помещения музея, даже невзирая на то, что уже потратился на погашение кредита дочери хранителя. Однако уже на пороге своего офиса будто током пробило, и, взявшись за дверную ручку, он на миг остолбенел: свояк Казанцев подобного поражения ни за что не оставит без последствий! Пока Балащук нокаутирован и подавлен, начнет рвать его, бить лежачего, дабы нанести побольше ссадин, ран, увечий, а судьи, чтоб оттащил, на этом ринге нет.

Потом он позволит подняться и даже отряхнуться, чтобы продолжить свое черное дело...

– Видит бог, я этого не хотел! – раскрывая двери ногами, на ходу выкрикивал он неизвестно кому. – Я хотел остановиться! Мне не дают сделать этого!

Вспокоенная офисная пыль взвихрилась и, расступаясь спереди, словно в вакуумную воронку, засасывалась сзади, образуя шлейф, который тут же бесследно таял в пространстве. Она, эта пыль, эта камуфлированная, в боевой раскраске и изящная с виду, неработь, украшающая контору в мирное время, отлично изучила шефа и сейчас норовила разлететься по углам, преодолев его притяжение. Так что пока он дошел до своего кабинета, за спиной осталось всего три спутника – начальник службы безопасности, специальный помощник и советник по правовым вопросам. Седовласые мужи, трудно привыкающие к гражданской одежде, но понимавшие шефа с полуслова.

– Завтра утром пакет документов мне на стол, – почти спокойно произнес он, между делом прочищая уши. – Вместе с постановлением суда.

– Постановление будет не раньше полудня, – деловито заметил советник.

Бывший прокурор Ремез знал, что говорит, и ускорять тут что-либо не имело смысла.

– Охрану к музею через полчаса, – распорядился Балащук, глядя в стол. – Вы хорошо изучили объект?

– Так точно, – отозвался начальник службы безопасности Абатуров. – Народу бывает мало, особенно летом. Каждые две недели собираются пенсионеры, у них что-то вроде клуба отставных геологов. Ностальгируют, медитируют... В общем, онанируют.

– Вы мне про охрану доложите!

– В ночное время сидит сторож. Старикан с клюкой. А когда болеет, то сам хранитель ночует. Сигнализации нет.

– То есть как нет? – изумился Глеб. – Там же самородное золото лежит, под стеклом... Сам видел.

– Муляжи... Там и самородок в кулак – тоже муляж.

– И ничего настоящего?..

– Может, настоящее и есть, но все спрятано. Возможно, в подвалах. Никто ничего не знает...

– В два часа ночи ввести охрану внутрь, – приказал Балащук и встряхнулся. – Работать очень аккуратно. Если на защиту встанут пенсионеры, обращаться бережно. Это заслуженные, уважаемые и пожилые люди. «Скорая» должна дежурить в торце здания. Мало ли что... Камни не разбрасывать, еще не время. Упаковывать в коробки и немедленно вывозить на склад. К восьми часам помещение очистить.

– К семи, – уточнил бывший начальник УВД. – Дежурный по городу заканчивает сбор информации. Не желательно, чтобы музей попал в завтрашние сводки.

– Добро, – согласился Балащук. – К десяти установить строительный забор и леса. Внутри и снаружи. Две ремонтные бригады должны работать круглосуточно. В первую очередь демонтировать окна, двери и полы. Вопросы?

Это было командой к началу действий.

В кабинете остался молчавший доселе дипломатичный контрразведчик, оказавшийся не у дел.

– Не срабатывает ваш опыт. – мягко заметил ему Глеб. – Что-то следует менять в тактике. И стратегии...

– У меня нехорошее предчувствие. – мрачно заметил тот.

– Сверните его в трубочку...

Лешуков встряхнулся.

– Что свернуть?

– Предчувствие. – Балащук встал. – Засуньте себе в зад и сидите в моем кабинете. На звонки будете отвечать... Справитесь?

– А вы?..

– Я поехал на Мустаг.

Чекист запоздало вскочил:

– Глеб Николаевич!.. Вам лучше бы находиться где-то поблизости. На всякий случай. Хотя бы до утра...

Он засмеялся, похлопал его по плечу и сказал, передразнивая Чапаева из знаменитого кинофильма:

– Где должен быть командир?.. На горе, товарищ подполковник. Оттуда далеко видно. И связь замечательная.

По пути на гору Зеленую он окончательно успокоился, встречный ветер и хорошая скорость словно выдули, вымели из ушей навязчивый стариковский смех. Это была не первая подобная операция и не самая сложная; напротив, в какой-то степени даже примитивная. Вот если бы музей оказался не ведомственным, а принадлежал некой солидной компании или вовсе государству, тогда пришлось бы прибегнуть к шумному, скандальному и не очень приятному мероприятию: сначала нанимать отморозков, бить стекла, рвать провода, отрубать воду, забивать канализацию, крушить и поджигать все двери, чтоб музей сам покинул помещение, а уставшие от обузы хозяева вынуждены были бы поставить его на ремонт...

Балащук знал, что раньше двух ночи ничего не начнется, охрана просто возьмет здание под наблюдение и будет отслеживать ситуацию, поэтому настроился на небольшую передышку и ужин на Зеленой. Отдыхать в больших компаниях он не любил, впрочем, как и в обществе дам, если время было ограничено, поэтому вызвал на гору Вениамина Шутова, которому заказывал статьи, и победителя конкурса бардовской песни Алана с гитарой. Как человек писатель Глебу откровенно не нравился – красномордый, жлобоватый и вечно нищий или таковым быть желающий мужик. Сколько денег ни давай, все равно зиму и лето ходит в одном свитере и джинсах, ездит в городском транспорте, ругается матом и пьет дешевую водку. Но талантливый, подлец! Романов он, правда, не писал, чирикал рассказы и повести, явно подражая Достоевскому, а нашел себя совершенно в ином жанре – острой, проблемной публицистике. И анархически свободный, авторитетов не признавал. Песенник же Алан был полной противоположностью: законченный философ и романтик, без пошлости, без надрыва, истеричности и зековского хрипатога плача. Работал он когда-то на Таштагольском руднике обыкновенным проходчиком, писал стихи и пел перед своей бригадой да изредка в городском клубе. И до сей поры бы бурил шпурсы да брэнчал на гитаре, если бы однажды его песни не услышал Балащук. Достал из рудника, переселил в Новокузнецк, нанял кемеровского преподавателя и сотворил из него профессионального музыканта.

Правда, и у него были свои причуды, скорее всего, связанные с его творческой натурой: в последнее время ему все чудились некие отдаленные, глухие голоса, то ли зовущие его к себе, то ли о чем-то предупреждающие. Но они, эти голоса, Балащук не тревожили и не вызывали опасений, что бард страдает психическими отклонениями; просто у него был идеальный музыкальный слух, а говорят, люди, им обладающие, как собаки, способны слышать во много раз больше звуков, чем обычный человек. Ко всему прочему, Алан очень нравился матери, которая могла часами слушать его песни и тосковала, если он долго не приезжал.

Они были разные, но в минуты, когда Балащук ощущал некую глубоко затаенную, однако щекочущую неуверенность, эти люди добавляли ему равновесия. Он приказал выслать за ними машину и велел водителю ехать не спеша, чтоб догнали. И дорога почти утрясла неприятности, испытанные в музее, но тут внезапно позвонила Вероника, что делала весьма редко, и сразу же вселила тревогу.

– Ты можешь сейчас же приехать к матери? Я здесь. Все очень серьезно...

Путь к горе лежал далеко в стороне от Осинников, а возвращаться назад – плохая примета... И к тому же, показалось, звонок не случаен: разведка докладывала, что сестра все еще поддерживает тайные отношения с бывшим мужем, вроде бы связывает их общий ребенок, идут какие-то переговоры. И вполне возможно, Казанцев, узнав о предстоящем захвате музея, замыслил что-нибудь подлое и теперь проводит это через Веронику, уступив ей, к примеру, право видеться с дочерью...

На крючке свояка сестрица висела!

– А что случилось? – спросил Глеб. – Корову привели?

Верона говорила с настороженной одышкой:

– Ладно бы корову!.. Недавно она звонила среди ночи, и чую, что-то неладное. В голове засело... А сейчас приезжаю, внук у нее объявился!

– Какой внук?

– Зовут Родион, беленький такой...

Балащук мгновенно вспомнил свое внебрачное дитя и ужаснулся: неужели эта тварь решилась отослать ребенка к матери?..

– Ну и чей же это сын, говорит? – невесело засмеялся он. – Мой, что ли? Или твой?

– Никиты!

– Оба!.. А братец-то у нас ходок был!

– Я так не думаю...

В тот миг он вспомнил странную ухмылку хранителя музея, когда заговорили о Никите, и внутренне насторожился.

– Явная подстава... Документы есть?

– Никаких документов. И лет ему – четырнадцать!

Глеб рассмеялся теперь искренне.

– И откуда же взялся такой взрослый племянничек, Верона? Что мама-то говорит?

– Молчит она! Увиливает... Приехал бы и сам выяснил!

– Верона, а у нее с головой все в порядке?

– Не пойму, Глеб! – Сестра готова была расплакаться, чего давно уже не делала перед братом. – Вроде бы в уме, но ведет себя...

– Как?

– Скрывает что-то! У нее новая гребенка появилась откуда-то... Красивая, заколешь волосы – венчик получается, корона такая... Представляешь, золотая и вроде старинная!

– А у тебя с головкой как, сестрица?

– Сам ты больной!.. При чем гребенка из червонного золота!

Балащук встряхнулся, ощущая некий мистический озноб.

– И как все это мама объясняет?

– Темнит! Купила, говорит, цыгане продавали. От сглаза помогает. Ты у нас психолог, приезжай и посмотри, послушай. Может, ее и в самом деле за рубеж свозить, полечить в нормальной клинике?

– Да это как раз не проблема... Но ты попробуй, уговори! Комсомолка еще та...

– Теперь она какую-то мистику гонит! Книжек начиталась, что ли...

– Это и раньше было. То у нее из телевизора кровь течет...

– Она вообще сильно изменилась, – со слезой в голосе заключила Вероника. – Задумчивая и радуется чему-то... И знаешь, стала какая-то чужая, холодная. Конечно, сидит одна, тоскует... А этот подлец нынче не хочет везти Ульяновку!.. Вот мама и отыскала себе внука...

Подлецом был ее бывший муж Казанцев, а Ульяновка – их дочерью.

– Утром заеду, – пообещал он, на всякий случай не желая выдавать свое местонахождение. – Сегодня никак не могу.

И подумал – сейчас еще попросит пожертвовать на богоугодное дело. Она всегда так просила: сначала на жалость надавит, какую-нибудь проблему придумает, а потом обязательно скажет:

– Ты давно на храм денег не давал! А отец Илларион за тебя молится!

– И денег я тебе завезу, – не дожидаясь просьбы, сказал он.

– Мне не надо твоих денег! – вдруг взвизгнула сестра и бросила трубку.

Комсомольская закваска у матери проявлялась всю жизнь в виде подчеркнутой независимости и к старости все больше приобретала оттенок обыкновенного самодурства. Ее любовь к внучке однажды вылилась в скандал и ощутимые потери в бизнесе. Два года назад Казанцев привез ей Ульяновку и, соответственно, охранника с конкретным заданием коммерческого шпионажа. Веселый, обходительный и говорливый, он заболтал доверчивую матушку и сначала вытянул из нее все, что Глеб роком или ненароком ей рассказывал о своих делах. И это ладно бы, ничего там особенного конкурент для себя не открыл, так, мелочи. Но в тайнике, устроенном в мастерской, Балащук хранил важные архивные документы двойной бухгалтерии компании, в частности, неофициальные финансовые отчеты подразделений. Телохранитель племянницы отпускал бабушку с внучкой в лес погулять, якобы нарушая инструкции Казанцева, а сам тем временем проводил тщательный обыск, и в результате на тайник наткнулся. Трогать ничего не стал, скопировал содержимое папок и передал своему шефу, а тот уже в налоговую. Только усилиями своей влиятельной команды уголовное дело удалось прекратить, но компании все равно поставили на конкретные деньги. С тех пор Глеб ничего уже в материнском доме не прятал и ничего о своей работе не рассказывал.

Однажды в юности Глеб попал за решетку – милиция делала ночные облавы на подростков, а потом вызывала родителей и воспитывала. И вот, сидя в «телевизоре», он увидел маму сквозь прутья арматуры, вернее – только ее глаза на бледном, изможденном лице и содрогнулся. Показалось, в них столько боли, что она сейчас умрет! Забывшись, в каком-то исступлении, он потряс решетку и закричал:

– Мама! Не умирай! Я больше никогда не попаду в тюрьму!

А пацаны-сокамерники захохотали, иные вообще покатались со смеху, поскольку его вопль был расценен как слабость и унижение. Еще кто-то в спину пихнул и еще пнул в зад, как пинают опущенных...

Мама же тогда даже не ругала и не наказывала его, и потом, уже дома, сказала, чтоб он не зарекался от тюрьмы и сумы.

Эти ее глаза с мучительной, предсмертной болью вставали перед взором всякий раз, когда он попадал в какую-нибудь неприятную историю либо чувял приближение опасности. Но сейчас вроде бы ничего подобного не ожидалось, к тому же сразу после звонка сестры служба безопасности доложила, что хранитель музея сам остался в помещении, заперся изнутри и теперь ходит по залам как привидение с геологическим молотком в руках. Никто на подмогу

к нему не пришел, баррикад не строил, да и вообще кругом все тихо. Бойцы ЧОПа незаметно сосредоточились в пустующем здании, стоявшем во дворе музея, и только ждут команды к штурму.

Машина с Шутовым и Аланом догнала только под Шерегешем, и Балащук, внезапно ощутив приступ раздражения, стал отчитывать не водителя – своих гостей. Писатель только пучил на него глаза навывкате и багровел, а бард мечтательно поглядывал на вершину Мустага. Предупрежденный управляющий уже включил канатку и ждал шефа, чтобы посадить в кресло, однако Глеб оттолкнул его, сел сам и в одиночку, хотя обычно брал с собой Веню Шутова, чтобы за пятнадцать минут подъема обсудить текущие дела и более к ним не возвращаться. Ни писатель, ни бард не были законченными холуями, иногда могли проявить характер, особенно мечтательный Алан, и Балащук вдруг испугался, что они сейчас повернут назад и уедут, оставив его одного. Поэтому через некоторое время обернулся и крикнул:

– Ладно, мужики, простите!..

Гости пропустили несколько кресел и все-таки сели, тоже поодиночке. Никто из них не отозвался, разве что бард расчехлил гитару, принялся настраивать, но и этого уже было достаточно.

Мустаг манил и сейчас. Может, потому, что в долине уже было темно, а Курган с линзами снега еще сиял от последних отсветов зашедшего солнца и отчетливо просматривался блестящий крест.

4

Не собирался Опрята идти встречь солнцу далее Вятки-реки и города Хлынова. Мыслил взять должок с хлыновских разбойных людей за потопленные на Ярани ушкуи с добычей и устроить спрос с Весёлки, что сидел в лесах на Вое. Весть пришла, будто не ордынцев грабит, а тайно спутался с ними и теперь по чужой воле притесняет и честных ушкуйников, и хлыновцев. В общем, порядок на Вятке учинить, и к зиме, малым числом, Лузой, Двиной и далее пешим ходом – то есть иным путем, дабы не скараулили на Сухоне супостаты, возвратиться обратно, в Новгород.

Только на следующий год, поправив дела и укрепившись на лесной Вятке, думал он отправиться набегом на Орду, когда сами ордынцы по весне уйдут воевать земли в стороне полуденной и оставят на поживу добычу легкую – жен своих, детишек малых и добро, награбленное и свезенное в Сарай со многих покоренных земель. Воевода ушкуйников имел тайный уговор с новгородским князем по поводу сего похода. Ежели набег удастся, князь ему все недомки простит и впредь еще три лета десятины брать не станет от добычи и от ватажных людей. И посему Опрята замыслил прежде изготавиться, скопить силы на Вятке-реке, и оттуда уже, дабы все подозрения ордынцев отвести от Новгорода, пойти и позорить Орду.

Стражу ордынцы оставляли не великую, ибо хоть и были умом проницательны и хитры, да уж никак не ждали столь дерзкого набега, полагая, что усмиренная и подданная Русь долго теперь не залижет раны. Этим их заблуждением и намеревался воспользоваться лихой боярин Опрята и до поры замыслы свои держал в великой тайне.

Накануне же вполне безопасного похода к Хлынову, когда ватага из полутысячи ярых и отважных ушкуйников была уже собрана и ушкуи стояли на высокой, полой воде, явился к Опряте новгородский купец Анисий Баловень. В молодости он тоже промышлял ушкуйным ремеслом, ходил и по Оке, Каме и Волге, да в одной из стычек с мордвой получил увечье, лишившись правого глаза. И стало ему несподручно ни из лука стрелять, ни рогатину держать, ни на гребях сидеть, ибо пустая глазница кровоточила. Но иные говорили, дескать, это он сам выколол себе око, дабы от ватаги своей отстать и заняться скупкой добычи, привозимой другими ушкуйниками из походов. Опрята и сам продавал Анисию мягкую рухлядь, сукно и кое-какое серебро, если удавалось добыть, – иного добра Баловень не брал.

Так вот пришел купец с подарком и угощением: харлужный засапожник принес, коим бриться можно, и малый бочонок греческого вина. Сначала в угол встал, помолился, ибо, купечеством промышляя, набожный стал, затем и говорит:

– Прими от меня в дар, боярин! От моего чистого сердца и с промыслами благими.

Можно сказать, чести удостоил, однако Опрята знал, что Анисий без нужды в гости не ходит и даров не приносит – знать, есть у него дело какое-то. Говорили, ежели он прознает, какая ватага и куда нацелилась, и ежели есть у него интерес, заранее тайный договор с воеводой учиняет, и, мол, бывает, даже подсобит в дорогу снарядить. С одной стороны, добро, привез добычу и отдал, но с другой, он своим интересом руки вязал и волю сковывал: искать-то приходится того, чего Анисий хочет.

Опрята дары оценил, особенно по нраву пришелся засапожник – и не оттого, что рукоять и ножны искусным серебряным узорочьем отделаны. Дабы своих истинных образов в чужих землях не выказывать, друг друга в схватках узнавать да и вшей не заводит на долгих, суровых путях, ушкуйники бороды и головы обривали, оставляя лишь усы. На обратной же дороге вновь отращивали и возвращались, какими уходили. А для бритья не всякий харлужный нож годился. Лезвием купеческого дара Опрята руку свою мохнатую разок и слегка скребанул, волос даже без треска посыпался...

Принял дары, из бочонка по кубку вина налил.

– Слышал, ты, боярин, на Вятку изготовился?

В ушкуйном братстве было принято таить свои промыслы, и тем паче, пути, по коим ходят. Часто большая часть ватаги и не ведала, куда поведут, через какие земли и какова добыча ожидается; знали все лишь те ватажники, кто входил в поручный круг, а это три-четыре верных человека, повязанных близким родством, и выпытывать у них что-либо не полагалось, тем более сторонним людям. Однако Анисию да еще некоторым купцам, у которых на всю жизнь руки в мозолях были от ушкуйных весел, подобное дозволялось.

– Думаю сбегать в одно лето, – уклончиво отозвался Опрята. – Плечи да ноги размять. Залежался зимой на печи...

Выдавать купцу истинную причину похода он не собирался, хотя тот мог прознать, что воевода прошлогодную свою ватагу всю на Вятке зимовать оставил и в Новгород приходил, дабы новую набрать и туда же повести: чтоб орду позорить, немалая сила требовалась, и прежде ее следовало незаметно скопить в одном месте.

Баловень тоже пока что таился, не выдавал намерений и пытался показать, что ему много чего про походы Опрята известно.

– Сказывают, хлыновцы тебе урон причинили, ушкуи с добычей потопили?

Хлыновские разбойники хоть и не велики были числом, да сноровистые и дерзкие. Никак не могли смириться, что в их землях новгородские ватаги бродят и, по сути, отнимают промысел. Опрятини ушкуйники небольшой ватажкой ранней весной на Волгу сбегали, скараулили ордынских баскаков, что с данью в свой сарай возвращались, взяли добычу добрую и обратно в глухие вятские леса пошли. А хлыновцы в свою очередь перехватили их на Ярани-реке и в отместку ушкуи с добром на дно отправили, мол, пусть ни нам, ни вам не достается.

Воевать с ними Опрята не собирался, напротив, спрос хотел учинить, должок взять и сговориться, чтоб вместе пойти грабить и зорить Орду.

Осведомленность Анисия насторожила: не вынюхал ли что купец об их уговоре с новгородским князем?

Но виду не подал.

– И между нашими случаются раздоры...

– А твой сродник Веселка, сказывают, с ордынцами снюхался, – между тем заметил Баловень. – Худо дело, брат Опрята. За подобную измену в нашей ватаге быть бы сему Веселке на дне с веревкою...

Предавших ватагу ушкуйников карали жестоко, и не просто топили, а надевали на шею удавку, к которой привязывали камень, и спускали за борт в речную яму, то есть еще и вешали. Камень покоился на дне, а ноги казненного торчали из воды все лето и потом вмерзали в лед...

Коль и про Веселку изведаль Анисий, знать в ватагу затесался прикормленный им ушкуйник – такой вывод сделал Опрята. Сделал и задумался: а почто купец в сей час перед ним раскрывается? С каким таким делом явился, коль заранее своего лазутчика заслал, а ныне дары преподнес?

Ежели Баловень что-либо ведает об уговоре с князем, то отпускать его из своих хором живым нельзя и придется опробовать засапожник дареный: больно уж тайна великая, чтоб третьему знать. Беду можно навлечь не только на князя – на все Новгородские земли, ибо после набега ордынцы непременно отомстить захотят. А в лесную, недоступную Вятку им пути нет, не посмеют пойти глубоко в непроходимые дебри, побесятся около и уйдут восвояси...

Воевода ушкуйников со своими ватагами изрядно задолжал князю новгородскому, коему платил десятину с добычи и каждые два лета отдавал в его дружину три десятка самых ярых своих храбрецов. Вторую десятину храму – чтоб попы замаливали их грехи душегубские. Хоть и зорил Опрята инородцев, хоть и говорили, будто у диких кочевых племен одна душа на всех, но все одно кровь пролита и свою спасать след.

А не пойти на уговор с князем – обещал в город более не пускать.

– А ты что это, Анисий, по чужим ушкуям шарить? – не сразу спросил его Опрята. – Чужих людей надзираешь? Место себе присматриваешь в моей ватаге?

– Попросился бы к тебе, боярин, – наострил он хитрый глаз. – Да летами стар и увечен зело... А посему советом хотел подсобить, да снарядам, коль потребуется, оружием...

Кроме купечества, Баловень держал кузни и стрельню, где ремесленные люди ковали мелкий ратный припас – наверхения копий, дротиков, наконечники, и делали собственно сами стрелы, известные на весь Новгород, – даже князь заказы делал для своей дружины.

– Что же ты мне присоветуешь, кроме как Веселку казнить?

Купец сам кубки наполнил, отхлебнул и отер вислые усы.

– Силу ты добрую собрал на Вятке, да еще одну ватагу спроворил. Думаю, и эту зимовать оставишь. Твои ушкуйники котами да войлоком запаслись... Что ты замыслил, не знаю и пытаться не стану. Дело твое вольное... Но есть мое к тебе предложение: ты, боярин, должок взыметь, над Веселкой суд учинишь и назад не ходи. Возьми свои ватаги и ступай через пермские земли, на Рапеи, и там зазимуй.

– Я пермских и рапейских инородцев под свою руку взял, – предупредил его Опрята. – Зорить хожу ордынцев, болгар да кипчаков, кои с ними подвизаются.

– И сие я зрю, воевода. – Его единственный глаз видел за два. – И не подвигаю обычаи нарушать...

– Что же мне делать на горах Рапейских?

– Весны дожидаться да выведывать, что в землях Таргара происходит.

– Известно что. Ордынцы там ныне, говорят, много станов поставили и даже городки укрепленные есть. Да только грабить их мне не с руки.

– А почто, боярин?

Воевода отпил вина и засмеялся:

– Забыл ты, Анисий, наш промысел! Добычу-то взять легко, да ведь из Таргара потом с нею ног не унесешь. Бросить придется... Ежели у ордынцев кругом заставы, караулы да станы! А мною край незнаемый, дороги не хожены...

– Ты бы и разведаль, а весною пошел на Томь-реку.

– Я и не слышал про такую!

– Вот бы и позрел. Сказывают, берега каменные, широка и глубока. А привольная – душа трепещет...

– Уволь уж, брат, да мне более по душе ушкуйный промысел, – вздохнул Опрята. – Новые земли да реки искать не свычен. Да и на что они тебе, коль ныне там ордынцев тьма? Уж не воевать ли их собрался?

Глаз купеческий видел много, да скрыть мыслей, что бродили в голове, не мог, поскольку был один. Воеводе почудилось, знает он что-то про его намерения – пограбить сарай! Либо догадывается, а что бы тогда к нему явился со столь диковинным предложением – в Таргара сходить? Мол, коль ты отважился на ордынское логово набегом пойти, то что тебе стоит за Рапейские горы сходить? Но того не розумет, что Волгой спуститься вниз да позорить Орду, где осталась малая стража, предприятие дерзкое да успешное: даже ежели погонятся ордынцы, с берегов стрелами не достанут – широка река, к тому же воды бояться и ни челнов, ни лодей не имеют. А как пойдут по берегам дебри дремучие да утесы, а по Ветлуге болота непролазные, отстанут, ибо всего этого опасаются степняки, как пожара.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.